W 524/853

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Невскій, 92).

W 524/853

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

№ 2. **В. Зомбартъ.** № 2.

ИДЕАЛЫ СОЦІАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.

Переводъ съ нѣмецкаго *П. Ф. Теплова.*

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ЦѢНА 40 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1905.

Изданія товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

Сборникъ т—ва „Знаніе“. Книги I и II. . . . . 1 р. — к
М. Горькій. Разсказы. Томы I—V, по. . . . . 1 „ — „
М. Горькій. Пьесы. Томъ VI. . . . . 1 „ — „
М. Горькій. Мѣщане. *Только въ переплетахъ.* . . . . . 1 „ — „
М. Горькій. На днѣ. Картины. . . . . — „ 60 „
Л. Андреевъ. Разсказы. Томъ I. . . . . 1 „ — „
Скиталецъ. Разсказы. Томъ I. . . . . 1 „ — „
Е. Чириковъ. Разсказы. Томы I—III. по. . . . . 1 „ — „
Е. Чириковъ. Пьесы. Томъ IV. . . . . 1 „ — „
Е. Чириковъ. Пьесы. . . . . — „ 60 „
Ив. Бунинъ. Томъ I. Разсказы. . . . . 1 „ — „
Ив. Бунинъ. Томъ II. Стихотворенія. . . . . 1 „ — „
Н. Телешовъ. Разсказы. Томъ I. . . . . 1 „ — „
А Серафимовичъ. Разсказы. Томъ I . . . . . 1 „ — „
А. Купринъ. Разсказы. Томъ I. . . . . 1 „ — „
С. Юшкевичъ. Разсказы. Томъ I. . . . . 1 „ — „
С. Гусевъ-Оренбургскій. Разсказы. Томъ I. . . . . 1 „ - „
Н Гаринъ. Дѣтство Тёмы. . . . . 1 „ — „
Н. Гаринъ. Гимназисты. . . . . 1 „ — „
Н. Гаринъ. Студенты. . . . . 1 „ — „
Н. Гаринъ. Корейскія сказки. . . . . — „ 60 „
Н. Гаринъ. По Кореѣ, Манчжуріи и Ляодунск. полуостр. . . . 1 „ — „
А. Яблоновскій. Разсказы. . . . . 1 „ — „
С. Елеонскій. Разсказы. . . . . 1 „ — „
С. Елпатьевскій. Разсказы. Томы I—III... по . . . . . 1 „ — „
С. Найденовъ. Пьесы. Томъ I . . . . . 1 „ — „
Эсхилъ. Скованный Прометей. *Изд. второе.* . . . . . — „ 30 „
Софоклъ. Эдипъ-царь. *Изд. второе.* . . . . . — „ 40 „
Софоклъ. Эдипъ въ Колонѣ. *Изд. второе.* . . . . . — „ 40 „
Софоклъ. Антигона. *Изд. второе.* . . . . . — „ 40 „
Эврипидъ. Медея. *Изд. второе.* . . . . . — „ 40 „
Эврипидъ. Ипполитъ. *Изд. второе.* . . . . . — „ 40 „
Эсхилъ, Софоклъ и Эврипидъ. Трагедіи. Роск.-иллюстр. изд. *Печатается* . . . . . — „ — „
Платонъ. Пиръ. *Съ иллюстраціями.* . . . . . — „ 60 „
Гёте. Фаустъ. Обѣ части. . . . . 2 „ — „
Бьёрнсонъ. Перчатка. . . . . — „ 40 „
Гауптманъ. Роза Бернд. . . . . — „ 50 „
Байронъ. Манфредъ . . . . . — „ 40 „
Байронъ. Каинъ. *Печатается.* . . . . . — „ — „
Леопарди. Разговоры. *Печатается.* . . . . . — „ — „
Леопарди Мысли. *Печатается.* . . . . . — „ — „
Красинскій. Иридіонъ. . . . . — „ 60 „
Шелли. Полное собраніе сочиненій въ 3 томахъ. Томъ I и II. по. 2 „ — „
Шелли. Освобожденный Прометей. . . . . — „ 50 „
Шелли. Ченчи. . . . . — „ 50 „
Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ. Роскошно-иллюстр. изд . . . . 2 „ — „
Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ. Дешевое изданіе. . . . . — „ 80 „
Э Золя. Углекопы *Изд. второе.* . . . . . 1 „ — „
Эркманъ-Шатріанъ. Гаспаръ Фиксъ. . . . . — „ 65 „
П. Милюковъ. Изъ исторіи русской интеллигенціи. *Изд. второе.* 1 „ 50 „
Н. Рубакинъ. Этюды о русской читающей публикѣ. *Печатается.* — „ — „
Никольскій. Лѣтнія поѣздки натуралиста. . . . . 2 „ — „
Клейнъ. Астрономическіе вечера. Изд. *третье.* . . . . . 2 „ — „
Клейнъ Прошлое, настоящее и будущее вселенной. Изд. *второе.* 1 „ 50 „
Юнгъ. Солнце. Изд. 3-е. *Печатается.* . . . . . 1 „ 50 „
Тиндаль. Звукъ. Изд. *второе.* . . . . . 1 „ 50 „

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Невскій, 92).

W 524/853

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

№ 2. **В. Зомбартъ.** № 2.

ИДЕАЛЫ СОЦІАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.

Переводъ съ нѣмецкаго *П. Ф. Теплова.*

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

[illegible]

ЦѢНА 40 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Монтвида. Конная ул., д. № 3—5.
1905.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 сентября 1904 года.

Госуд ственная
ордена Ле на
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
341082-47

КНИГА ИМЕЕТ:

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1952 г.
4						ft 593		

16/1—100000

839

Изъ всѣхъ соціальныхъ наукъ въ самомъ печальномъ и заброшенномъ состояніи находится, можетъ быть, наука о политикѣ. Если бы кто-нибудь сталъ утверждать, что она находится въ настоящее время на уровнѣ аристотелевскимъ ученій, то это было бы, по моему мнѣнію, очень милостивое сужденіе о томъ, что сдѣлано нашимъ поколѣніемъ. Какого-либо прогресса въ этой области за послѣднее время не замѣчалось. Новѣйшее и наиболѣе крупное сочиненіе въ этой отрасли знанія—„Политика“ все еще много читаемаго покойнаго лейпцигскаго профессора Рошера *)—могло бы спокойно появиться на нѣсколько десятилѣтій раньше и все-таки при своемъ появленіи оказалось бы устарѣвшимъ: о многочисленныхъ результатахъ соціальнаго изслѣдованія за послѣднія десятилѣтія въ немъ нѣтъ и помину. Люди, родившіеся послѣ 1850 года, съ трудомъ понимаютъ его. Не лучше обстоитъ дѣло и съ большинствомъ другихъ научныхъ сочиненій о политикѣ. И рѣзкая критика Джона Ст. Милля представляется мнѣ нынче еще болѣе справедливой, чѣмъ тогда, когда онъ ее впервые формулировалъ **). Будемъ надѣяться, что ближайшее будущее пополнитъ теперешніе пробѣлы. Что всего важнѣе при современномъ состояніи науки,—это добыть строительный матеріалъ

*) „Политика“. Историческое изслѣдованіе о природѣ (!) монархіи, аристократіи и демократіи. Штутгартъ, 1892.

**) Logic. 5 изд. (1862), II, 456 сл.

для новой теоріи политики и въ особенности утилизировать для политики свѣдѣнія, добытыя въ другихъ областяхъ соціальнаго знанія. Скромную попытку въ этомъ направленіи и представляютъ нижеслѣдующія строки. Въ нихъ высказываются сначала нѣкоторыя общія замѣчанія о понятіи, сущности и отрасляхъ политики, а затѣмъ на этой основѣ предпринимается спеціальное изслѣдованіе о значеніи идеала въ отдѣльной области политики—въ политикѣ соціальной.

I.

Общее понятіе политики установлено съ достаточной ясностью. По существу я готовъ принять его въ формулировкѣ Гольцендорфа *). „Политика, какъ наука“, есть, по его опредѣленію, спеціальная отрасль знанія, трактующая о государствѣ и обществѣ. Ея объектомъ и содержаніемъ является „выходящая за предѣлы юрисдикціи реализація государственныхъ цѣлей (на базисѣ существующихъ отношеній)“. Въ поясненіе Гольцендорфъ замѣчаетъ:

„Рѣшающее значеніе для насъ имѣетъ не простая наличность средствъ, пригодныхъ для осуществленія государственныхъ цѣлей, а ихъ примѣненіе и результаты. Шлейермахеръ весьма удачно называетъ практическую политику „успѣшною дѣятельностью“. Идея дѣятельности для государства и его цѣлей является верховнымъ представленіемъ, изъ котораго должна исходить практическая политика... Дѣйствующими субъ-

*) Prinzipien der Politik. 2 изд. 1879, стр. 3 и эл., въ особенности стр. 11. Тамъ же сдѣланы указанія на сходныя и несходныя воззрѣнія. Изъ новыхъ опредѣленій понятія политики ср. опредѣленіе Гертлинга въ Staatslexikon, т. IV, слово „Politik“. Въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“ слова „Политика“ совершенно нѣтъ.

ектами, которыхъ предполагаетъ или имѣетъ въ виду политика, какъ наука, являются государственная власть и ея исполнительные органы. Существуя повсюду, они служатъ хотя и не исключительными, но, тѣмъ не мемѣе, необходимыми орудіями политической дѣятельности".

При этомъ слово „государство" должно быть понимаемо въ широкомъ смыслѣ „общественнаго цѣлаго", такъ какъ въ широкое понятіе политики мы должны также включить, напр., политику сельскихъ и городскихъ общинъ. Значитъ, говоря вообще, дѣло идетъ о сознательной дѣятельности общественныхъ учрежденій.

Но если мы и можемъ въ общемъ принять это абстрактное понятіе практической политики, то господствующее ученіе не даетъ намъ никакого отвѣта на вопросъ объ удовлетворительной систематикѣ политики.

Мы рекомендовали бы при этомъ разграничить двѣ главныхъ области политики, сообразно со сферами государственной дѣятельности, которая направляется или на охрану интересовъ данной общественной организаціи противъ другихъ—„внѣшняя", „національная" политика,—или на измѣненіе, приспособленіе и развитіе существующаго соціальнаго строя въ извѣстномъ направленіи—„внутренняя" или „соціальная" политика въ широкомъ смыслѣ этого слова. И лишь съ послѣдней мы будемъ имѣть здѣсь дѣло. Она обнимаетъ также и ту отрасль политики, точное формулированіе понятія которой является нашей задачей,—„соціальную политику" въ узкомъ, собственномъ смыслѣ слова.

Что такое соціальная политика? Это вопросъ, на который не такъ легко дать отвѣтъ, какъ можетъ думать посторонній дѣлу читатель.

О какомъ-либо установившемся и господствующемъ опредѣленіи понятія нѣтъ и помину. Въ лучшемъ слу-

чаѣ тотъ или другой авторъ имѣетъ свой личный взглядъ и формулировку понятія, а въ большинствѣ случаевъ—никакого. Въ настоящее время считается позволительнымъ написать цѣлую книгу о „соціальной политикѣ“, не отдавши себѣ отчета, какое точное понятіе соотвѣтствуетъ этимъ словамъ. Въ громадномъ энциклопедическомъ словарѣ государственныхъ наукъ Конрада отдѣлъ „соціальная политика“ совершенно отсутствуетъ. И это въ такъ называемый „вѣкъ соціальной политики!“

Формулируя ходячій взглядъ на это понятіе, можно, думается мнѣ, опредѣлить соціальную политику, какъ совокупность тѣхъ мѣръ внутренней политики, которыя предприняты съ начала пролетарскаго движенія съ цѣлью удовлетворить или, по крайней мѣрѣ, успокоить настойчиво-требовательныхъ наемныхъ рабочихъ, слѣдовательно,—какъ ту политику, результатомъ которой является такъ называемое „соціальное“ законодательство,—столь же неясное понятіе *). Такъ, напр., баронъ Гертлингъ въ своемъ изслѣдованіи объ „естественномъ правѣ и соціальной политикѣ“ **) полагаетъ, что понятіе соціальной политики „популярно“ въ смыслѣ спеціальныхъ задачъ, „относящихся къ положенію, потребностямъ и требованіямъ рабочаго класса“. Мало-по-малу стали говорить о соціальномъ вопросѣ, пока вдругъ и у насъ не очутились предъ прочно органи-

*) О понятіи „соціальный“ см. разсужденія „Stammler'a въ „Wirtschaft und Recht“ (Leipzig. 1896), стр. 117 и слѣдующія. Я охотно принимаю его опредѣленіе: соціальный—внѣшне-урегулированный,—но хочу тутъ же замѣтить, что на этомъ опредѣленіи невозможно построить удовлетворительнаго понятія „соціальной политики“ въ тѣсномъ смыслѣ. Штамлеръ можетъ понимать подъ соціальной политикой лишь *всю* внутреннюю политику, какъ я противопоставилъ ее раньше національной политикѣ. Но все-таки является желательнымъ точное разграниченіе понятій и выдѣленіе „соціальной политики“ въ тѣсномъ смыслѣ слова.

**) „Naturrecht und Sozialpolitik“. Freiburg. 1892, стр. 5.

зованной соціальной, соціалъ-демократической партіей, и тутъ уже правительство начало обсуждать мѣры для борьбы съ опасными стремленіями и для устраненія вызвавшихъ ихъ золъ. Соціальные (!) дебаты занимаютъ обширное мѣсто въ засѣданіяхъ германскаго рейхстага, начиная съ 1877 года. Правительственные законопроекты и предложенія различныхъ партій въ большей или меньшей степени проникаются соціально-политическими соображеніями. „Соціальная политика“— лозунгъ нашего времени. Совершенно однородному представленію о значеніи термина обязанъ, очевидно, своимъ наименованіемъ „Verein für Sozialpolitik“.

Само собою разумѣется, что наука въ ея работѣ надъ опредѣленіемъ понятій не должна подчиняться вліянію, а тѣмъ менѣе руководству такихъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Поищемъ, нѣтъ ли такихъ опредѣленій понятія, которыя въ меньшей степени носили бы характеръ историческихъ опредѣленій, приспособляющихся къ обстоятельствамъ? Пользуется извѣстностью опредѣленіе Адольфа Вагнера: „Въ общемъ мы разумѣемъ подъ соціальной политикой ту политику государства, которая направлена къ устраненію недостатковъ въ области процесса распредѣленія путемъ законодательной и административной дѣятельности“ *). Это опредѣленіе меня тоже не удовлетворяетъ. Прежде всего и оно носитъ на себѣ печать случайности. Подчиняясь обычной теперь манерѣ характеризовать совершенно поверхностнымъ образомъ новую политическую экономію тѣмъ, что она „обращаетъ большее вниманіе на процессъ распредѣленія“, въ то время какъ старая ставила на первый планъ „процессъ производства“, Адольфъ Вагнеръ тоже хочетъ, очевидно, противопоставить старой „экономической“ политикѣ,

*) „Ueber Soziale Finanz- und Steuerpolitik“. Braun's Archiv. Band IV. S. 4.

политикѣ производства—новую политику распредѣленія — „соціальную“. Но противъ этого опредѣленія имѣются и еще болѣе серьезныя возраженія по существу. Прежде всего спрашивается, почему именно политика распредѣленія должна быть окрещена именемъ соціальной? Нѣтъ ни малѣйшей связи между предметомъ и его словеснымъ выраженіемъ. А затѣмъ, если даже не обращать вниманія на это обстоятельство, то главный недостатокъ такого опредѣленія заключается въ томъ, что оно прямо-таки способствуетъ неопредѣленности и безсистемности. Понятіе „политика распредѣленія“ такъ растяжимо, что подъ него можно подводить самые разнородные предметы.

Между тѣмъ все значеніе опредѣленія понятій заключается именно въ томъ, чтобы внести порядокъ и систему въ наблюденіе живого многообразія дѣйствительности. „Политикой распредѣленія“ были бы, напр., мѣропріятія къ урегулированію договора о наймѣ, снабженіе работой голодающихъ домашнихъ ткачей, страховая политика и т. п. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что по отношенію къ цѣлому ряду мѣропріятій совершенно невозможно установить, принадлежатъ ли они къ области „производительной“ или „распредѣлительной“ политики. Куда относится охранительное законодательство рабочихъ? или введеніе нормальнаго рабочаго дня? Наконецъ, приведенное опредѣленіе страдаетъ еще тѣмъ недостаткомъ, что оно насильственно исключаетъ изъ области соціальной политики тѣ мѣропріятія, которыя хотя и принадлежатъ къ „политикѣ производства“, но стоятъ въ тѣснѣйшей зависимости отъ „политики распредѣленія“. При этомъ я имѣю въ виду, напр., современное рабочее законодательство, „организацію ремесла“, политику по отношенію къ картелямъ, потребительнымъ обществамъ, биржѣ и т. п. Мы должны, слѣдовательно, поискать лучшаго.

Опредѣленіе, которое ведетъ на вѣрный путь, дано Брюллемъ въ статьѣ „Соціальная политика“, вошедшей въ „Словарь государственныхъ наукъ“ *). По его мнѣнію, „соціальная политика, или ученіе объ обществѣ въ тѣсномъ смыслѣ, представляетъ ту отрасль государственныхъ наукъ, которая занимается отношеніями публичной власти къ отдѣльнымъ производительнымъ сословіямъ и ихъ взаимнымъ интересамъ“. Кромѣ смѣшенія политики, какъ науки, съ практической политикой, это опредѣленіе страдаетъ большою неопредѣленностью. Несомнѣнно, передъ авторомъ мелькало вѣрное и осязательное понятіе, но онъ все-таки не сумѣлъ правильно формулировать свою мысль. Это проявляется въ дальнѣйшемъ ходѣ статьи, посвященной преимущественно рабочей политикѣ новаго времени, гдѣ авторъ не смогъ плодотворно примѣнить собственное опредѣленіе понятія. Такимъ образомъ, мы и здѣсь не находимъ искомаго: пригоднаго отграниченія понятія соціальной политики, другихъ же попытокъ установленія этого понятія, которыя заслуживали бы вниманія, я не знаю. Такимъ образомъ, не остается ничего другого, какъ попытаться самому формулировать его.

Насколько я помню дѣло, во всей экономической политикѣ, которая только насъ здѣсь и интересуетъ, мы можемъ прослѣдить два существенно различныхъ рода мѣропріятій **). Хотя это различіе не всегда существуетъ въ сознаніи политика, т. е. сообразно поставленымъ цѣлямъ, но зато постоянно можетъ быть проведено по отношенію къ результатамъ извѣстныхъ мѣръ.

---

*) Staatslexikon. Band V (1896). S. 140. Подобнымъ же образомъ, впрочемъ, опредѣляетъ понятіе соціальной политики въ узкомъ смыслѣ также и фонъ-Гертлингъ, противополагая его приводимому имъ „популярному“ взгляду на соціальную политику.

**) Подъ экономической политикой я понимаю политику, вліяющую на экономическую жизнь и регулирующую ее, а подъ эконо-

А именно: политическія мѣропріятія направляются или къ поддержанію и уничтоженію опредѣленной экономической системы, или ея составныхъ частей, или же вліяютъ на судьбу отдѣльныхъ членовъ хозяйственной организаціи. Подъ экономической системой я понимаю опредѣленный порядокъ экономической жизни данной совокупности людей, въ которомъ господствуютъ извѣстные принципы. Различеніе отдѣльныхъ экономическихъ системъ привело бы къ неодинаковымъ результатамъ, въ зависимости отъ выбора признаковъ различія. Если мы пока удовольствуемся принятымъ Бюхеромъ *) критеріемъ — путемъ отъ производства къ потребленію, — то получимъ три исторически сложившіяся экономическія системы: самостоятельное натуральное хозяйство, мѣновое хозяйство городовъ и современное капиталистическое хозяйство съ широкимъ обмѣномъ. Какъ извѣстно, всѣ три, или, если мы захотимъ разсматривать соціалистическое „самодовлѣющее хозяйство“ на высшей ступени развитія, какъ четвертую экономическую систему, то всѣ четыре экономическихъ системы существуютъ въ современныхъ культурныхъ государствахъ одновременно другъ съ другомъ. На нихъ опираются соціальные классы **): зе-

мической жизнью — совокупность тѣхъ соціальныхъ явленій, которыя возникаютъ изъ производства, распредѣленія и потребленія. Для меня соціальная жизнь не исчерпывается вполнѣ экономической жизнью, какъ предполагаетъ Штамлеръ. Попутно мнѣ хочется замѣтить Штамлеру, что, по моему мнѣнію, его выводъ о невозможности выдѣленія экономическихъ феноменовъ изъ другихъ проявленій соціальной жизни проистекаетъ лишь отъ ошибочности избранныхъ имъ субъективныхъ признаковъ различія (матеріальныхъ потребностей) и что онъ падаетъ, если взять, какъ это я дѣлаю, за критерій для обособленія соціальныхъ явленій объективную дѣятельность. Впрочемъ, эти разногласія довольно безразличны при установленіи понятія соціальной политики.

*) Entstehung der Volkswirtschaft. 1893.

**) Теорія образованія классовъ еще не выработана. Какъ извѣстно, заключительная (52-я) глава III тома „Капитала“ К. Маркса

мельная аристократія и крестьянство, какъ представители различныхъ формъ первобытнаго натуральнаго хозяйства, мѣщанство, какъ представитель территоріально-ограниченнаго мѣнового хозяйства, буржуазія, какъ классовое выраженіе капиталистически развитого мѣнового хозяйства въ его консервативно-монархической формѣ и, наконецъ, пролетаріатъ съ его тенденціей къ обобществленію и демократизаціи.

Что мы разумѣемъ подъ составными частями экономической системы, должно бы быть ясно: обособленныя сферы однородной экономической жизни, образуемыя одинаково заинтересованными группами лицъ — частями соціальныхъ классовъ, которыя хоть и являются членами одного и того же тѣла, но при извѣстныхъ условіяхъ могутъ придти въ противорѣчіе между со-

---

должна была быть посвящена этому вопросу. Но уже на срединѣ второй страницы читатель наталкивается съ величайшимъ сожалѣніемъ на замѣчаніе: „Здѣсь манускриптъ обрывается“. Какая неизмѣримая потеря для науки! Новыя попытки въ томъ же направленіи неудовлетворительны. Назовемъ изъ нихъ: G. Schmoller. „Das Wesen der Arbeitstheilung und sozialen Klassenbildung“. Что Шмоллеръ понимаетъ подъ соціальнымъ классомъ, — не совсѣмъ ясно. Уже Бюхеръ, въ статьѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ, показалъ, что Шмоллеръ недостаточно отчетливо различаетъ профессіональныя группы и соціальные классы, и съ своей стороны пытается указать въ понятіи „соціально-профессіональнаго класса“ „взаимодѣйствіе между профессіей и собственностью“. Ту же попытку онъ повторяетъ въ статьѣ „Bevölkerung des Kantons Basel-Stadt“ (1890 г.), но и здѣсь, по моему мнѣнію, не формулируетъ понятія съ достаточной точностью. Совершенно неопредѣленно высказывается Штамлеръ (стр. 275—278 его книги), который выставляетъ четыре критерія для разграниченія соціальныхъ классовъ, не указывая, который изъ нихъ онъ самъ считаетъ правильнымъ для установленія все-таки же единаго понятія соціальнаго класса. Впрочемъ, надо замѣтить, что критеріи № 1, 3 и 4-й неприложимы, а четвертый—неопредѣленно выраженъ. Почему критерій одинаковости направленія интересовъ, — если ихъ, какъ это я дѣлаю, ставить въ связь съ опредѣленной экономической системой,—кажется Штамлеру „шаткимъ“, для меня непонятно.

бою. Чѣмъ выше, сложнѣе экономическая система, тѣмъ многообразнѣе это раздѣленіе. Такъ, наибольшее число оттѣнковъ мы находимъ въ рядахъ буржуазіи, представляющей капиталистическое хозяйство въ его поступательномъ развитіи: аграрная, промышленная и финансовая буржуазія.

Этого, намъ кажется, достаточно для пониманія сдѣланнаго выше различія въ характерѣ мѣропріятій экономической политики: первая категорія мѣръ относится (имѣетъ цѣлью или, по крайней мѣрѣ, слѣдствіемъ) къ существованію, содѣйствію въ развитіи или уничтоженію извѣстной экономической системы или ея составныхъ частей, или,—какъ мы уже можемъ теперь подставить вмѣсто этого, — извѣстнаго соціальнаго класса или его группъ. Другими словами,—эти мѣры видоизмѣняютъ *экономическій порядокъ въ пользу или во вредъ извѣстной группѣ интересовъ*.

Примѣрами могутъ служить: освобожденіе крестьянъ, торговые договоры, биржевыя реформы, ограниченія разносной торговли или большихъ магазиновъ, установленіе Befähigungsnachweis'a—свидѣтельства о достаточной технической подготовкѣ, какъ условія къ самостоятельному веденію ремесленныхъ и фабричныхъ предпріятій, охранительное рабочее законодательство и т. п. Въ рѣзкой противоположности съ этой категоріей мѣропріятій экономической политики стоитъ другая категорія, которая имѣетъ объектомъ судьбу отдѣльныхъ, произвольно сгруппировавшихся индивидуумовъ, безъ отношенія къ опредѣленной экономической системѣ и соотвѣтствующей ей принадлежности къ тому или другому классу. Сюда относятся, напримѣръ, политика борьбы съ нищенствомъ съ ея придаткомъ въ видѣ современнаго принудительнаго страхованія, многіе отдѣлы политики по отношенію къ различнаго рода товариществамъ, многія отрасли финансовой политики, напримѣръ, политика подоходнаго обложенія, которая

знаетъ лишь различіе между бѣднымъ и богатымъ, между имѣющимъ собственность и лишеннымъ ея, одинаково несущественное, какъ для теоретика, такъ и для практика соціальной политики. И въ то же время, напримѣръ, политика обложенія торгово-промышленныхъ предпріятій и т. п. очень легко можетъ относиться къ первой категоріи мѣропріятій, поскольку ея цѣлью или слѣдствіемъ является содѣйствіе развитію или нанесеніе вреда крупной или мелкой промышленности, капитализму или ремесленному производству.

Читатель уже догадывается, какую цѣль я преслѣдую, дѣлая это различіе въ мѣропріятіяхъ экономической политики: я хочу выдѣлить первую категорію мѣръ въ качествѣ соціальной политики. Такимъ образомъ, мы получаемъ слѣдующее опредѣленіе этого понятія: *подъ соціальной политикой мы понимаемъ тѣ мѣропріятія экономической политики, которыя имѣютъ цѣлью или слѣдствіемъ сохраненіе, содѣйствіе развитію или уничтоженіе, подавленіе опредѣленной экономической системы или ея составныхъ частей.* Ей я противопоставлю *индивидуальную политику* — тѣ мѣропріятія, которыя направлены ко благу отдѣльныхъ лицъ или группъ, безъ различія ихъ принадлежности къ опредѣленной экономической системѣ, а, значитъ, также и къ опредѣленнымъ соціальнымъ классамъ. Въ пользу моей терминологіи говорятъ слѣдующія основанія:

1) Этимъ достигается выдѣленіе, такъ сказать, *экономической политики перваго класса* и обособленіе ея отъ другихъ мѣропріятій, что дѣлаетъ возможнымъ разграниченіе важнаго отъ неважнаго, постояннаго отъ преходящаго. Тогда сравнительно незначительныя мѣропріятія, слѣдствіемъ которыхъ является воздѣйствіе на экономическій строй въ опредѣленномъ направленіи, будутъ имѣть для насъ несравненно большее значеніе, чѣмъ самыя обширныя индивидуально-политическія мѣропріятія. Вопросы о томъ, большее или меньшее

число лицъ, вмѣсто денежной помощи изъ налога въ пользу бѣдныхъ, будетъ охотнѣе получать болѣе или менѣе высокую ренту изъ спеціальной страховой кассы, большій или меньшій процентъ съ доходовъ богатыхъ людей будетъ взятъ посредствомъ подоходнаго налога, будетъ ли помощь голодающимъ ручнымъ ткачамъ оказана изъ дохода съ благотворительнаго базара или изъ кассы военнаго вѣдомства, составленной взносами сердобольныхъ людей и т. д.,—имѣютъ безконечно меньшее значеніе для всей экономической жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жизни общества въ цѣломъ, чѣмъ, напримѣръ, вопросы: будетъ ли слѣдствіемъ осуществленія данной мѣры законодательной охраны рабочихъ вытѣсненіе или сохраненіе мелкаго производства, ведетъ ли извѣстная политика къ увеличенію или уменьшенію крестьянскихъ хозяйствъ, способствуетъ или препятствуетъ данная мѣра налоговой политики развитію крупныхъ магазиновъ, укорачиваетъ или удлиняетъ данное распоряженіе существованіе домашней и кустарной промышленности, произойдетъ ли расцвѣтъ или упадокъ крупной промышленности вслѣдствіе принятаго торговаго договора и т. д., и т. д.

2) Выдѣляя въ особую группу мѣропріятія, вліяющія на характеръ экономической системы, мы вносимъ *порядокъ* въ пестрый рядъ явленій экономической политики. Я, по крайней мѣрѣ, не вижу лучшей точки зрѣнія для группировки однородныхъ и разграниченія неоднородныхъ мѣръ. Ясная формулировка политико-экономическихъ системъ даетъ намъ систему экономической политики. Она получается изъ группировки вліяющихъ на данную экономическую систему мѣропріятій путемъ обособленія и соотвѣтствующаго наименованія совокупности мѣръ, касающихся отдѣльныхъ отраслей и областей этой экономической системы и т. д. И эта систематика будетъ опираться на „сущ-

ность вещей", а не обязана своимъ возникновеніемъ преходящимъ историческимъ обстоятельствамъ.

Наконецъ, спрашивается, въ 3-хъ, не произвольно ли мы *назвали* лишь одну группу мѣропріятій экономической политики „*соціальной* политикой?" Я думаю, что совершенно нѣтъ.

Прежде всего, что касается значенія этого выраженія въ разговорномъ языкѣ, которое всегда должно быть принимаемо во вниманіе при установленіи научной терминологіи, то мы видѣли, что въ данномъ случаѣ оно по большей части такъ неопредѣленно, что не препятствуетъ произвольному толкованію выраженія „соціальная политика". Мнѣ кажется даже, что многимъ неясно представлялся именно тотъ смыслъ его, который дается нами,—сравните, напримѣръ, вышеприведенное опредѣленіе изъ „словаря государственныхъ наукъ". Во всякомъ случаѣ, разговорное значеніе понятія подходитъ не ближе къ единственному ясному опредѣленію Адольфа Вагнера (соціальная политика — политика устраненія недостатковъ, возникающихъ изъ процесса распредѣленія), чѣмъ къ нашему. *Слово* же „соціальная" политика по своему смыслу, несомнѣнно, находитъ самое лучшее примѣненіе по отношенію къ мѣропріятіямъ, вліяющимъ на характеръ „соціальнаго строя". При употребленіи его въ этомъ смыслѣ содержаніе и его словесное выраженіе вполнѣ покрываютъ другъ друга.

II.

Если мы въ послѣдующемъ изложеніи, установивъ понятіе соціальной политики, попытаемся прибавить кое-что для характеристики ея сущности, то намъ представится, очевидно, двойная задача: во-первыхъ, изслѣдовать, какова суть и значеніе политики вообще, а слѣ-

довательно, и соціальной политики; во-вторыхъ, — выяснить характерныя особенности соціальной политики, которыя именно отличаютъ ее отъ другихъ отраслей политики.

Такъ какъ мы не задаемся здѣсь цѣлью писать статью о политикѣ вообще, то для выясненія нашей точки зрѣнія по отношенію къ первому пункту придется ограничиться лишь нѣсколькими намеками. Если вся политика, говоря словами Шлейермахера, представляетъ „плодотворную дѣятельность“, то она покоится, очевидно, на *идеѣ осуществимости свободно избранныхъ цѣлей*. Здѣсь говорится, конечно, не о произвольномъ преслѣдованіи фантастическихъ, лишенныхъ плана цѣлей. Это значило бы стать на точку зрѣнія мечтательнаго утопизма, не имѣющаго почвы въ дѣйствительности и не могущаго оказывать обратнаго вліянія на жизнь.

А надо это понимать въ томъ смыслѣ, что политика, какъ и всякая „плодотворная дѣятельность“, несовмѣстима съ мыслью о невозможности вліянія единичной воли на естественную необходимость совершающагося. Недавно мнѣ довелось въ другомъ мѣстѣ *) ука-

*) „Хотя я уже много разъ имѣлъ случай, по крайней мѣрѣ отрывочно, характеризовать *сущность соціальной эволюціи*, тѣмъ не менѣе я считаю нужнымъ еще разъ повторить здѣсь въ связной формѣ, что я разумѣю подъ этимъ понятіемъ, такъ какъ правильное пониманіе именно этого пункта имѣетъ рѣшающее значеніе: соціальная эволюція и признаніе таковою общественнаго движенія въ цѣломъ основывается на мысли, что мы находимся въ непрерывномъ процессѣ экономическаго и соціальнаго переустройства и что каждой данной стадіи этого процесса соотвѣтствуетъ опредѣленная группировка интересовъ и необходимыя отношенія господства, что, по мѣрѣ хода этого переустройства и развитія вліянія различныхъ общественныхъ группъ, какъ носительницъ интересовъ, перераспредѣляются и сами отношенія власти, въ результатѣ чего одни господствующіе классы смѣняются другими. Въ основѣ этого взгляда лежитъ мысль, что существующее для даннаго времени соотношеніе общественныхъ силъ и власти, дѣйстви-

зать на то, что неумѣнье согласовать свободную осуществимость самостоятельно поставленныхъ цѣлей съ идеей строгой причинности въ соціальной жизни обусловливается смѣшеніемъ точекъ зрѣнія соціальнаго теоретика, считающагося лишь съ причинной необходимостью, и политическаго дѣятеля. Въ нѣсколько другой формѣ ясно выразилъ ту же мысль Джонъ Стюартъ

тельно является выраженіемъ экономическихъ отношеній, а не обманомъ или фокусничествомъ, и что эта власть лишь постепенно переходитъ въ другія руки, по мѣрѣ того, какъ примѣняются экономическія отношенія и одновременно съ этимъ развиваются личныя, субъективныя условія — характерныя свойства стремящихся къ господству классовъ. Короче говоря, соціальная эволюція — это мысль о постепенномъ достиженіи могущества и водвореніи новаго общественнаго порядка въ соотвѣтствіи съ видоизмѣненіемъ экономическихъ отношеній и преобразованіемъ, выработкой характера.

„Довольно часто среди эволюціонистовъ возникали разногласія вслѣдствіе смѣшенія понятій: *эволюція* и *квіэтизмъ*. Въ особенности среди марксистовъ распространилось мнѣніе, будто эволюція представляетъ естественный процессъ, совершающійся независимо отъ дѣятельности людей, по отношенію къ которому единичныя личности должны спокойно положить руки въ карманы и ждать, пока плодъ вполнѣ созрѣетъ для того, чтобы быть сорваннымъ...

„Этотъ квіэтическій и, по моему мнѣнію, псевдомарксистскій взглядъ не имѣетъ ничего общаго съ идеей эволюціи. Онъ совершенно упускаетъ изъ виду, что все, совершающееся въ соціальной жизни, несомнѣнно происходитъ между живыми людьми, которые участвуютъ въ процессѣ развитія, ставя себѣ цѣли и стремясь къ ихъ осуществленію. Часто смѣшиваютъ совершенно различныя точки зрѣнія — соціальнаго теоретика и практическаго дѣятеля. Для перваго развитіе общественной жизни постольку представляется совершающимся, какъ необходимое сцѣпленіе причинъ и слѣдствій, поскольку онъ выводитъ формы жизни, какъ неизбѣжный результатъ мотивовъ дѣйствующихъ лицъ, а эти мотивы, въ свою очередь, стремится понять въ ихъ опредѣленной зависимости и обусловленности. Для него соціальная жизнь представляетъ процессъ, перенесенный въ прошлое. А для политика, наоборотъ, этотъ процессъ лежитъ въ будущемъ. Что теоретикъ понимаетъ какъ дѣйствіе опредѣленной причины, то для практика является цѣлью

Милль *), сказавъ: „Ученіе о независимости соціальнаго прогресса отъ неизмѣнныхъ законовъ во многихъ головахъ неразрывно связано съ мыслью, что индивидуальными усиліями или правительственными мѣропріятіями нельзя оказать значительнаго вліянія на ходъ общественнаго развитія. Это — заблужденіе. Изъ того, что все совершающееся, въ томъ числѣ также и акты человѣческой воли, является слѣдствіемъ опредѣленныхъ причинъ, не слѣдуетъ, что волевые акты вообще и даже волевые акты отдѣльныхъ индивидуумовъ не могутъ быть, въ свою очередь, причинами большого значенія".

Милль указываетъ вслѣдъ за тѣмъ на дѣятельность капитана во время бури и продолжаетъ: „Какъ ни безусловны законы соціальнаго развитія, они не могутъ быть болѣе безусловными или строгими, чѣмъ законы природы, и, однако, человѣческая воля можетъ превратить ихъ въ орудія своихъ замысловъ, и степень, въ которой она достигаетъ этого, составляетъ главное различіе между дикимъ и высоко цивилизованнымъ человѣкомъ" **).

будущаго, которую онъ только еще долженъ достигнуть при помощи своей воли. Но эта воля, въ свою очередь, представляетъ звено въ цѣпи причинъ и слѣдствій соціальной жизни. И, несмотря на всю свою обусловленность, воля все-таки является высшей личной собственностью дѣйствующаго человѣка. Пытаясь доказать необходимость опредѣленнаго направленія воли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, развитія опредѣленнаго ряда явленій общественной жизни, соціальный теоретикъ дѣлаетъ это всегда съ само-собою понятнымъ ограниченіемъ: предполагая, что не ослабнетъ энергія дѣйствующихъ лицъ для принятія извѣстныхъ рѣшеній и осуществленія ихъ".

W. Sombart. „Soziale Bewegung im 19-Jahrhundert". S. 104—105. Jena. 1896.

*) „Логика", III, стр. 352, нѣм. изд.

**) Для уясненія сказаннаго здѣсь будетъ умѣстно привести прекрасную картину Макіавелли въ его „Principe": „Я сравниваю счастье съ опасной рѣкой, которая, разливаясь, наводняетъ равнину, вырываетъ деревья и разрушаетъ дома, уноситъ землю въ

Во всякой политикѣ, какъ „успѣшной дѣятельности“, можно различать два существенныхъ элемента: цѣль и средства къ ея достиженію. Поскольку эта цѣль, по сравненію съ существующимъ положеніемъ дѣлъ, представляется лучшимъ и желаннымъ, поскольку она противопоставляется реальному status quo въ качествѣ сравнительно законченной идеи, мы можемъ назвать ее политическимъ *идеаломъ*, осуществленіе котораго должно быть достигнуто политическими мѣропріятіями.

О политическомъ идеалѣ мы и будемъ говорить въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Каково вообще,—должны мы спросить,—можетъ быть къ нему отношеніе науки? Очевидно, оно должно быть двоякое: наука можетъ разсматривать идеалъ въ его необходимости или въ его свободѣ. Она можетъ или объявить его причинно обусловленнымъ въ его возникновеніи—генетическая точка зрѣнія, или же освѣтить его въ его цѣнности и значеніи—критическая точка зрѣнія. Послѣдняя, въ свою очередь, исходитъ изъ молчаливаго предположенія вѣры въ возможность успѣшнаго измѣненія направленія политической дѣятельности, такъ какъ безъ этой вѣры критика была бы праздной, чисто академической болтовней. Какъ я представляю себѣ до сихъ поръ оставлявшееся совершенно безъ вниманія ученіе о причинной необходимости идеаловъ партійной политики, я показалъ по отношенію къ современно-пролетарскому идеалу въ цитированной уже работѣ.

Здѣсь же, напротивъ того, я намѣренъ попытаться освѣтить нѣкоторыя новыя стороны критической точки

одномъ мѣстѣ и наноситъ ее въ другомъ. Каждый бѣжитъ отъ нахлынувшихъ волнъ; никто не можетъ сопротивляться. Однако, въ спокойныя времена люди могутъ принять мѣры противъ этого, при помощи плотинъ и валовъ достигнуть того, чтобы рѣка текла во время половодья какъ бы въ каналѣ, или разливалась не такъ широко и не причиняла такого вреда“. Orera (1797). VI, 351—352.

зрѣнія. Относительно своей точки зрѣнія я долженъ прежде всего сказать, что я не придаю научной критикѣ роли руководительницы по отношенію къ политическому идеалу. Въ одномъ изъ значительнѣйшихъ новѣйшихъ сочиненій о соціальной политикѣ, вышеупомянутой книгѣ Штамлера, сдѣлана попытка утилизировать ученія кантовской этики о „регулятивной идеѣ“ для соціальной жизни. Штамлеръ ищетъ сущность соціальной „закономѣрности“ въ телеологическомъ соотношеніи соціальныхъ событій съ единою объективною цѣлью всей соціальной жизни, которую научное мышленіе должно установить a priori. Эту точку зрѣнія я считаю ошибочной, но, такъ какъ для подробнаго опроверженія ея здѣсь не мѣсто, намъ приходится ограничиться замѣчаніемъ, что онъ относитъ въ сферу познанія такую область человѣческаго бытія, которая въ своихъ элементахъ выходитъ за его предѣлы. Всѣ политическія стремленія имѣютъ своимъ конечнымъ основаніемъ общее міросозерцаніе и жизнепониманіе отдѣльныхъ людей, а это послѣднее, въ концѣ концовъ, укрывается въ метафизическую область вѣры, куда не смѣетъ послѣдовать за нею познаніе. Часто указывавшееся протоворѣчіе кантовской этики, что она уничтожаетъ дѣло всей жизни своего творца, переходя черезъ указанную въ „критикѣ разума“ границу человѣческаго познанія, и вноситъ въ этику онтологическое доказательство, которое было устранено изъ науки и утилизировано религіей,—это же противорѣчіе губитъ и разсужденія Штамлера.

Если справедливо, что „законосообразность“ познаванія имѣетъ своей основой единство формы нашего мышленія, то не менѣе справедливо, что такая „законосообразность“ не можетъ быть установлена ни для человѣческой дѣятельности вообще, ни для политической дѣятельности въ частности, именно потому, что у этого единства нѣтъ „конечной“ цѣли. Того, кто не желаетъ знать или признавать категоріи причинности, мы можемъ,

конечно, оставить въ сторонѣ, какъ чудака, упрямца или идіота, но мы не можемъ поступать такимъ же образомъ съ тѣмъ, кто защищаетъ міросозерцаніе, противоположное нашему. Почему я не долженъ избрать цѣлью своихъ стремленій „общество людей съ свободной волей“, а ничшеанскую „теорію культурнаго удобренія“, мистическій аскетизмъ или рабскую мораль.— не сумѣетъ „доказать“ мнѣ ни одинъ человѣкъ, хотя бы онъ затратилъ на это столько же труда, какъ Штамлеръ, по той простой причинѣ, что здѣсь рѣчь идетъ не о распознаніи истиннаго или ложнаго, т. е. соотвѣтствующаго однообразнымъ законамъ человѣческаго мышленія или противорѣчащаго имъ, а о выборѣ точки зрѣнія, опредѣляемой, главнымъ образомъ, моими чувствами, принятіе которой еще далеко не оправдываетъ причисленія меня къ категоріи идіотовъ или чудаковъ.

Но если даже наука и будетъ изгнана изъ этой не принадлежащей ей области, то этимъ вовсе еще не устраняется возможность критики политическаго идеала. Наоборотъ, ея задачи по отношенію къ этому послѣднему все еще очень многочисленны и важны, если мы даже откажемся отъ навязыванія ей „конечныхъ цѣлей“.

Задачи критическаго ученія о политическомъ идеалѣ заключаются, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ: прежде всего оно должно взяться за „критику“ въ кантовскомъ смыслѣ слова, т. е. установить границу доказуемаго; затѣмъ, въ предѣлахъ „доказуемаго“, т. е. въ области, доступной научному познанію, она должна водворить порядокъ и ясность. Тутъ дѣла не мало: надо обнаружить ошибки, противорѣчія и непослѣдовательности въ выработкѣ идеала. Самый идеалъ долженъ быть установленъ и обрисованъ съ соблюденіемъ формальнаго единства. Затѣмъ, слѣдуетъ указать соотношеніе идеала въ одной области,—напр., соціально-политической,—къ идеалу въ другой области,—хотя бы

этической; нужно также рѣшить вопросъ о зависимости чистаго идеала отъ конечныхъ цѣлей и т. д.

Эти изслѣдованія касаются, главнымъ образомъ, формальной разработки идеала, но и его содержаніе тоже должно быть изслѣдовано критически. Нужно показать, что извѣстный идеалъ утопиченъ, такъ какъ находится въ противорѣчіи съ объективно необходимыми фактами, что необходимъ другой идеалъ, въ виду того, что желательно достигнуть какихъ-либо другихъ цѣлей, или же потому, что существуетъ рядъ неустранимыхъ обстоятельствъ.

Какъ показываютъ эти немногія разсужденія, наука объ идеалѣ имѣетъ еще въ этомъ отношеніи великія задачи передъ собою,—задачи плодотворнаго и несомнѣнно успѣшнаго творчества. Ибо хотя въ конечномъ счетѣ, какъ мы это указывали, выборъ идеала и направленіе политическихъ стремленій опредѣляется интересами, вытекающими изъ условій среды, индивидуальнымъ и классовымъ міросозерцаніемъ, независимо отъ теоремъ науки,—несомнѣнно, наука можетъ освѣтить путь, предотвратить ошибки, повысить твердость отчетливаго стремленія, укрѣпить нерѣшительныхъ и колеблющихся, направить стоящія внѣ партіи правительства, если таковыя существуютъ, на путь прогресса.

Прогресса?—Но развѣ наука показываетъ, въ чемъ онъ заключается? Конечно,—нѣтъ. Но представитель науки,—и этого не слѣдуетъ забывать,—самъ живой человѣкъ и, если онъ не вполнѣ изсушенъ наукой, человѣкъ съ живыми идеалами, въ направленіи которыхъ лежитъ для него прогрессъ. И, какъ никто не согласится отказаться отъ попытокъ убѣдить другого въ преимуществахъ собственнаго идеала, навязать другому свою волю, точно также не откажется отъ этого и ученый. Онъ не покинетъ надежды, что уже уясненіе положенія, котораго онъ можетъ достигнуть только одному ему доступными средствами, можетъ оказать

вліяніе на направленіе политической дѣятельности. Но съ тѣмъ большей отчетливостью онъ долженъ провести границу между наукой и дѣятельностью. Онъ долженъ открыть и честно сказать, гдѣ онъ перестаетъ вести своего читателя и слушателя при посредствѣ убѣдительной силы своихъ логическихъ дедукцій, гдѣ онъ обращается уже не къ знанію, а къ волѣ. Тогда онъ можетъ раскрыть всю свою индивидуальность, свое міросозерцаніе, всю силу своего краснорѣчія, если его на это вызываетъ темпераментъ,—для того, чтобы направить волю другихъ въ колею собственныхъ стремленій, но только онъ не долженъ предаваться иллюзіи, что этимъ служитъ распространенію научнаго знанія. Онъ говоритъ и дѣйствуетъ уже какъ человѣкъ, а не какъ изслѣдователь. И если въ жизни это разграниченіе часто бываетъ довольно затруднительно, часто даже невозможно,—въ теоріи оно все же должно соблюдаться съ полной строгостью. И всякій, кто хочетъ научно трактовать объ идеалахъ соціальной политики, долженъ сознавать это. Иначе онъ омрачаетъ ясное познаніе невнимательной примѣсью элементовъ своего чисто личнаго, недоказуемаго въ своей истинности или ошибочности убѣжденія.

III.

Можно назвать *господствующимъ воззрѣніемъ* убѣжденіе, что идеалы соціальной политики должны быть почерпаемы не изъ самой хозяйственной жизни, а изъ другихъ сферъ, что хозяйственно-политическія стремленія имѣютъ своимъ масштабомъ не потребности хозяйственной жизни, а другіе постулаты человѣчества.

Области, изъ которыхъ заимствуются обыкновенно идеалы соціальной политики, суть этика и религія; къ нимъ недавно присоединились расовая гигіена и на-

ціонализмъ, которые тоже предъявляютъ претензіи на соціальную политику. Но какъ ни распространена эта точка зрѣнія, было бы весьма ошибочнымъ допустить, что она одинакова и ясна у всѣхъ ея представителей. Отдѣльныя воззрѣнія сводятся къ слѣдующимъ главнымъ разновидностямъ.

Этическо-соціальная точка зрѣнія есть, по существу, точка зрѣнія такъ называемой „этической“ школы политической экономіи и вдохновленныхъ ею катедеръ-соціалистическихъ политиковъ. Какъ извѣстно, она возникла въ первой половинѣ нашего вѣка въ видѣ реакціи противъ нашествія капитализма. На этой точкѣ зрѣнія стояли въ то время Сисмонди во Франціи и Карлейль въ Англіи. Затѣмъ, она возродилась въ началѣ 70-хъ годовъ въ Германіи, гдѣ и получила широкое распространеніе, такъ какъ ей служило прочной опорой бюрократическое прошлое Германіи, въ особенности Пруссіи. Теперь, какъ кажется, эпоха „этической“ политической экономіи наступила и въ Италіи. Представители этого направленія въ Германіи извѣстны— это наши извѣстнѣйшіе экономисты: Вагнеръ, Шмоллеръ, Конъ и др., а равно и наши вліятельнѣйшіе министры. Самый молодой изъ выдающихся представителей этической школы — Штамлеръ, который, повидимому, совершенно не сознаетъ своего родства съ катедеръ-соціализмомъ, такъ какъ отстаиваемую имъ (этическо-телеологическую) точку зрѣнія на соціальныя явленія, которая безусловно господствуетъ въ оффиціальной политической экономіи, онъ считаетъ новой. Общая черта этическо-соціальнаго воззрѣнія заключается въ слѣдующемъ: мы приступаемъ къ существующимъ условіямъ съ масштабомъ нравственнаго идеала. Если оказываются отступленія отъ него, то это зло, т. е. нравственно несовершенныя формы хозяйственнаго существованія.

„Отдѣльныя стороны прогресса слѣдуетъ привести

въ связь съ цѣлымъ, разрѣшить противорѣчіе односторонняго развитія съ общими требованіями, возстановить гармонію между индивидуальнымъ и общественнымъ развитіемъ, естественный, техническій и интеллектуальный прогрессъ поднять на высоту нравственныхъ цѣлей развитія всего человѣчества“ *). Призывъ направляется по адресу государственной власти, какъ хранительницы вѣчнаго огня нравственности. У отдѣльныхъ представителей соціально-этическаго направленія обоснованіе нравственности совершенно различно. Въ то время, какъ Штамлеръ, какъ уже было указано выше, перенимаетъ изъ кантовской этики апріорный, формальный принципъ „руководящей идеи“, большинство современныхъ катедеръ-соціалистовъ стоитъ, повидимому, на почвѣ относительной этики.

По крайней мѣрѣ, объ этомъ можно догадываться по нерѣдко встрѣчающимся въ ихъ сочиненіяхъ выраженіямъ въ родѣ: „осадокъ нравственныхъ идей“, „потокъ нравственныхъ взглядовъ“ и т. п. Я намѣренно говорю „повидимому“, такъ какъ мнѣ извѣстно существованіе методическаго, принятаго безъ возраженій, обоснованія этической точки зрѣнія у представителей катедеръ-соціализма. Главный этическо-соціальный трудъ—вышеуказанная книга Кона—ни единымъ словомъ не касается вопроса о томъ, откуда же берется тотъ нравственный масштабъ, которымъ должны быть измѣряемы всѣ явленія общественной жизни.

Представителей *христіанско-соціальнаго* направленія мы должны подраздѣлить на двѣ главныхъ группы: евангелическихъ и католическихъ соціалъ-политиковъ.

---

*) G. Cohn: „System der Nationalökonomie“. I (1885). 646—47 стр. Эта книга, какъ извѣстно, считается Standard Work этической политической экономіи. Въ ней авторъ ставитъ своей задачей (стр. VII) „изобразить въ систематическомъ цѣломъ то, что въ настоящее время разумѣется подъ политической экономіей, какъ этической наукой“.

И здѣсь Германія лишь повторяетъ то, что нѣсколько поколѣній тому назадъ начато передовыми западно-европейскими странами... Бо̀льшимъ единствомъ и сравнительной ясностью отличается точка зрѣнія *соціальныхъ католиковъ*. Всѣ они берутъ исходнымъ пунктомъ неизмѣнное (матеріальное) естественное право, изъ котораго они выводятъ принципы каждаго соціальнаго строя, а въ большинствѣ случаевъ также и форму самого этого строя. „Естественное право“ католиковъ получено путемъ откровенія и находитъ свое систематическое развитіе въ сочиненіяхъ католическихъ авторитетовъ, главнымъ образомъ, въ трудахъ Ѳомы Аквинскаго.

Для характеристики этой ясной точки зрѣнія можетъ служить взглядъ католическаго соціалъ-политика барона фонъ-Гертлинга, который въ уже цитированной выше книгѣ *) говоритъ на эту тему слѣдующее: „Соціальная политика, лишенная руководства въ видѣ неизмѣнныхъ принциповъ нравственности и права, необходимо поведетъ къ заблужденію“ (стр. 7). „Признаніе коренящагося въ природѣ и потому разъ навсегда даннаго права, совершенно изолированнаго отъ всѣхъ вліяній общественнаго развитія... составляетъ основу твердой и сознательной соціальной политики (21); содержаніе этого естественнаго права вытекаетъ изъ божественнаго плана всего міра“ (36). Наиболѣе отчетливо эта точка зрѣнія формулирована соціальными католиками Италіи, гдѣ ихъ умы руководятся моимъ уважаемымъ первымъ учителемъ Джузеппе Тоніоло въ Пизѣ, — необыкновенно свѣтлой головой. Для доказательства я позволю привести кое-что изъ итальянской католическо-соціальной литературы. Программа „католиковъ противъ соціализма“ выработана Тоніоло въ 1894 г. Между прочимъ, въ ней говорится: „Необхо-

*) Naturrecht und Sozialpolitik (1893).

димо постоянно имѣть въ виду, какъ высокій и свѣтлый идеалъ, какъ высшую и конечную цѣль нашихъ стремленій, возстановленіе прекраснаго и незыблемаго зданія *христіанско-католическаго соціальнаго порядка* съ его вѣчными творческими принципами, возвышенными идеалами, несокрушимыми основами и чудеснымъ историческимъ развитіемъ“ *).

Ходъ мыслей программы и всѣхъ обосновывающихъ ее сочиненій таковъ: на основѣ вѣчнаго идеала требуется водвореніе *опредѣленнаго* соціальнаго строя; законы этого порядка систематизированы и разъяснены въ Corpus juris canonici. Водвореніе опредѣленнаго соціальнаго строя необходимо: во-1-хъ, какъ цѣль, потому что христіанство, одобряя одни соціальныя отношенія, осуждаетъ другія (напр., противорѣчіе интересовъ), и во-2-хъ, какъ средство, такъ какъ опредѣленный соціальный строй является лучшей, чѣмъ другіе, гарантіей роста христіанскаго сознанія. Слѣдовательно, предстоитъ „реставрація общества“ въ духѣ христіанства. Соціально-политическому идеалу отводится совершенно подчиненная роль по отношенію къ религіозному. Слова другого католическаго писателя—М. де-Вогюэ—могутъ служить какъ motto этого направленія: „Изъ всѣхъ центровъ моральной силы, которые намъ извѣстны, лишь одна церковь достаточно сильна для того, чтобы дать элементы соціальнаго возрожденія. Лишь она одна имѣетъ право и способность возвѣщать истинные законы общежитія“ **). Далеко не такъ однородна и ясна мнѣ точка зрѣнія представителей евангелическо-соціальнаго направленія...

---

*) Rivista internationale di Scienze sociali. Vol. VI (1894), pag. 172. Для уясненія точки зрѣнія этой программы могутъ служить статьи: *Enrico Costanzi*—„La restaurazione cristiana ed il problema sociale“. *Toniolo*—„La legislazione cristiana“. Его же—„La protesa evoluzione sociale della chiesa“—всѣ въ томъ же журналѣ.

**) „Revue des deux Mos des“, XI, 1892.

Всего болѣе приближается къ католическо-соціальной точкѣ зрѣнія Тодтъ. Онъ имѣлъ въ виду дать „изображеніе соціальнаго содержанія христіанства и соціальныхъ задачъ христіанскаго общества на основаніи изслѣдованія Новаго Завѣта“. Тодтъ смотритъ на евангеліе не только какъ на основу и исходную точку всей евангелическо-соціальной реформаторской идеи, а надѣялся вывести изъ него основы новой общественной организаціи, какъ двѣ капли воды, похожей на „соціальное государство“. Принципіальное тождественное воззрѣніе мы встрѣчаемъ въ евангелическо-соціальной программѣ 1893 года. Противъ него именно возстаетъ новая фракція христіанскихъ соціалистовъ. Гере признаетъ особенной заслугой Штёкера то, что онъ избѣгалъ всякой попытки „развить новую программу непосредственно изъ нравственнаго, религіознаго и соціальнаго содержанія Библіи“, и считаетъ заблужденіемъ взглядъ, что можно создать „евангелическую теорію и практику хозяйства“. Слѣдовательно, Библія вовсе не служитъ арсеналомъ для этихъ реформатскихъ плановъ. Что же должно замѣнить ее? До сихъ поръ на это нѣтъ достаточно яснаго отвѣта. Не почерпаютъ ли „молодые“ христіанскіе соціалисты стремленіе „къ соціальнымъ реформамъ въ обширномъ масштабѣ, направленнымъ ко благу всѣхъ малыхъ и страждущихъ“ *), изъ ученій христіанства? Читая ихъ журналъ „Hilfe“ или припоминая заключительныя главы книги Гере: Drei Monate Fabricarbeiter“, гдѣ Гере вручаетъ евангелическо-соціальному конгрессу оружіе „этики евангелія“ и возводитъ конгрессъ въ рангъ „соціально-этической инстанціи“, можно придти именно къ этому заключенію. Но опять-таки тотъ же Гере ставитъ Штёкеру въ заслугу, что его программа построена на чисто политическихъ, соціальныхъ и нравственныхъ соображеніяхъ по даннымъ эко-

*) Drei „Monate Fabrikarbeiter“ (1891), стр. 221.

номической науки, безъ непосредственнаго отношенія къ Писанію. Откуда же берутся идеалъ и программа новаго евангелическо-соціальнаго движенія, что служитъ масштабомъ реформъ, къ которымъ оно стремится: ученіе евангелія, катедеръ-соціалистическая этика, или же что-либо иное?

Предпринятое пасторомъ Гере въ его новой книгѣ *) разграниченіе „соціально-этическаго“ и „соціально-политическаго“ направленія тоже мало уясняетъ дѣло. И послѣ того все еще спрашивается: чѣмъ же руководствуется „соціально - политическое“ направленіе? Его „исходной областью“ должно быть, „главнымъ образомъ, простое христіанское сознаніе“ (стр. 175). Оно должно считаться „на ряду съ положеніями соціальной этики“, „главнымъ образомъ съ экономическими фактами“, принципами политической экономіи“ и т. д. Изъ него должна вырости „христіански-справедливая реформаторская партія всего мелкаго люда“ (стр. 176.) А далѣе опять въ качествѣ „помощницы“ новой реформаторской партіи призывается „новая нѣмецкая политическая экономія“, въ честь которой, между прочимъ, поется при этомъ очень печальный хвалебный гимнъ. Она стоитъ „исключительно на почвѣ экономической дѣйствительности“ (стр. 183) и выставляетъ свои „проекты реформъ сообразно съ обстоятельствами“ (стр. 184). И такъ какъ она,—ея похвальная характерная особенность,—насквозь проникнута этикой, то эти проекты реформъ еще болѣе обнаруживаютъ ея глубокое родство съ реформаторскими планами долженствующей возникнуть евангелическо-соціальной партіи реформъ“. Положимъ, что „наука“, будь даже это сама „новая нѣмецкая политическая экономія“, не можетъ дать идеаловъ политической дѣятельности, а лишь ея представители; на этомъ основаніи надо бы ожидать, что новая партія реформъ приметъ катедеръ-соціалистическіе

*) Evangelisch-Soz. Bewegung, стр. 56; ср. также стр. 102 сл.

идеалы. Но противъ этого опять говорятъ разсужденія на стр. 186, гдѣ проповѣдывается возвращеніе къ идеаламъ христіанства: партія должна быть истинно-христіанской. „И это въ томъ смыслѣ, что она будетъ самоотверженно стремиться къ тому, чтобы осуществить и примѣнить въ экономической и соціально-политической жизни нашего народа все нравственное и религіозное содержаніе христіанскаго ученія“. Въ прочноустановившіеся взгляды Гере, несомнѣнно, вкрался катедеръ-соціальный духъ и сдѣлалъ ихъ колеблющимися, неувѣренными. Христіанско-соціальный пасторъ вступилъ въ бракъ по разсчету съ „этической политической экономіей“. Онъ чувствуетъ потребность обезпечить за потомствомъ, по крайней мѣрѣ, право собственной точки зрѣнія—„вѣру отца“. Но, по всей видимости, въ этомъ супружествѣ рѣшающій голосъ принадлежитъ женѣ. Въ общемъ картина представляетъ мало отраднаго. Можетъ быть, мои послѣдующія критическія замѣчанія внесутъ нѣкоторый свѣтъ въ эту темную исторію.

Но прежде, чѣмъ перейти къ нимъ, упомянемъ еще о новыхъ претендентахъ на господство въ царствѣ соціальной политики—*гигіенистахъ расы*. Въ послѣднее время съ полнымъ правомъ былъ выдвинутъ вопросъ: не грозятъ ли современныя „гуманныя“ стремленія, въ особенности направленныя къ защитѣ т. н. „слабыхъ“, физическимъ и умственнымъ вырожденіемъ нашей расы, что было бы равносильно началу конца всей человѣческой культуры. На основаніи такихъ соображеній выставляется положеніе, что „соціальная политика“ прежде всего должна способствовать сохраненію и развитію „силы нашей расы“. Книги, трактующія объ этомъ вопросѣ, даютъ соціалъ-политику въ высшей степени интересный матеріалъ *).

*) Изъ новой литературы назовемъ: *John B. Haykraft*—„Natürliche Auslese und Rassenverbesserung“, 1895; *Dr. Alfred Ploetz*—Die

Авторы будутъ, пожалуй, очень изумлены, если я припишу имъ стремленіе къ „идеаламъ“ тамъ, гдѣ они пытаются доказывать объективно. Но фактически дѣло идетъ именно ни о чемъ другомъ, какъ объ опредѣленномъ идеалѣ, который долженъ служить путеводной нитью соціальной политикѣ. Выяснить свое отношеніе къ этому, по существу очень симпатичному, направленію я смогу тамъ, гдѣ буду подробнѣе говорить вообще о „защитѣ слабыхъ“ въ соціальной политикѣ. Прежде всего необходимо отвѣтить на принципіальный вопросъ: можетъ ли расовая гигіена, религія или этика и вообще какая-либо отдѣльная дисциплина удовлетворительнымъ образомъ намѣчать цѣли соціальной политики, согласны ли мы признать чуждое владычество въ сферѣ

Tüchtigkeit unserer Rasse und der Schutz der Schwachen, 1895; далѣе: *Pelman-Bonn*—Rassenverbesserung und natürliche Auslese. Centralblatt für allgem. Gesundheitspflege, 1896; *Otto Ammon*—Die Gesellschaftsordnung und ihre natürlichen Grundlagen, 1895.

Къ сожалѣнію, естественно-научно образованнымъ авторамъ почти сплошь не достаетъ основательныхъ знаній въ области общественныхъ наукъ. Особенно чувствительно даетъ себя знать это полное отсутствіе политико-экономическихъ знаній у Отто Аммона, книга котораго, въ силу этого, теряетъ всякую цѣну. Если авторъ (стр. 9) хочетъ смягчить свой дилетантизмъ въ области соціологіи тѣмъ, что указываетъ на соціологовъ, какъ, напр. Шеффле, которые, въ свою очередь, были дилетантами въ естествознаніи, то онъ забываетъ при этомъ ту громадную разницу, что эти соціологи пользовались естественными науками лишь съ цѣлью аналогіи или какъ вспомогательными науками, главнымъ же полемъ своей дѣятельности избирали ту спеціальность, въ которой они кое-что смыслили. Аммонъ, наоборотъ, хочетъ осчастливить насъ теоріями въ области соціальныхъ наукъ, не будучи достаточно знакомъ съ предметомъ. Мнѣ неизвѣстно такого случая, когда бы политико-экономъ указывалъ новые пути естествознанію и, скажемъ къ примѣру, безъ знанія дарвинизма принялся за выставленіе естественно-научныхъ теорій. А такъ именно поступаетъ Аммонъ въ области общественныхъ наукъ.

соціальной политики, или желаемъ возвратить ей автономію? *)

IV.

На поставленный выше вопросъ я здѣсь же, напередъ, отвѣчаю слѣдующимъ образомъ: *я считаю ошибочнымъ господствующій взглядъ, что соціальная политика должна заимствовать свои руководящіе идеалы изъ чуждыхъ ей дисциплинъ и, наоборотъ, требую автономности соціально-политическаго идеала.*

Обоснованіе этой точки зрѣнія необходимо распадается на двѣ части; въ первой я постараюсь доказать, что, будучи возможнымъ, господство чуждыхъ идеаловъ въ области соціальной политики не необходимо и его можно избѣжать, а во второй—что хотя оно и возможно, но не цѣлесообразно.

1) *Зависимость соціальной политики не представляетъ необходимости.*

Многіе соціальные теоретики держатся того мнѣнія, что заимствованіе цѣлей соціальной политики извнѣ, т. е. чуждое господство въ этой области, является

*) На этотъ разъ я не намѣренъ входить въ разборъ взглядовъ, представителемъ которыхъ въ послѣднее время явился Максъ Веберъ въ его фрейбургской вступительной лекціи „Die Nationalität und die Volkwirtschaftspolitik“ (Freiburg. 1895), согласно которымъ путеводною звѣздою экономической политики должна служить *идея національнаго могущества.* Пока мы имѣемъ дѣло лишь съ бѣгло высказанной мыслью, требующей подробнаго обоснованія. Вообще же я думаю, что точка зрѣнія Вебера, именно въ критикѣ господствующихъ ученій и въ общихъ результатахъ изслѣдованія, очень близко совпадаетъ съ моими взлядами. Общимъ является то, что мы оба апеллируемъ къ экономически *сильному.* Нѣкоторые пункты разногласій, поскольку они не выяснятся моими послѣдующими разъясненіями, дадутъ пріятный поводъ къ обсужденію этого вопроса въ другой разъ.

неизбѣжнымъ. Этотъ взглядъ, хотя и въ существенно различныхъ формахъ, мы находимъ столь же распространеннымъ среди расовыхъ гигіенистовъ, какъ и у представителей христіанско- или этическо-соціальнаго направленія. Разсмотримъ же, поскольку основательны аргументы, приводимые въ защиту этого взгляда.

Какъ мы видѣли, расовые гигіенисты сплошь—люди съ естественно-научнымъ образованіемъ. Отсюда понятна ихъ склонность возводить опредѣленный порядокъ общественныхъ отношеній, напр., тотъ, который, по ихъ мнѣнію, наиболѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ расовой гигіены, въ санъ „естественной законосообразности“, въ стремленіи къ осуществленію расово-гигіеническаго идеала видѣть нѣчто само собою понятное, стоящее выше всякихъ сомнѣній и споровъ. Такой взглядъ страдаетъ неясностью. Нѣтъ какого-то общественнаго порядка „на естественной основѣ“, существующаго въ силу закона природы. Кто до сихъ поръ не увѣрился въ этомъ, тому достаточно прочесть, напр., книгу Отто Аммона, о которой мы уже упоминали выше. Тамъ каждый „естественный“ или необходимый общественный порядокъ основательно приводится къ абсурду. Да и кто могъ бы удержаться отъ смѣха, узнавъ, что въ такомъ „на законѣ природы“ покоющемся обществѣ, какъ его необходимые элементы, фигурируютъ, между прочимъ, крупные торговцы, наемные рабочіе и рентьеры *).

Это напоминаетъ худшія времена незрѣлой, хвалебной „вульгарной экономіи“, которыя мы должны бы ужъ пережить теперь. Впрочемъ, мнѣ кажется, что авторъ названной книги думалъ сказать не такую без-

*) См. стр. 42 и 45. А на стр. 281 читаемъ: „Въ послѣднемъ счетѣ покоится... капиталистическій способъ производства (NB. о сущности котораго Отто Аммонъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія) на законѣ природы“ (!).

смыслицу, какъ онъ сказалъ. Можетъ быть, онъ хотѣлъ только выразить мысль, что существующій порядокъ нашего общества построенъ въ приблизительномъ соотвѣтствіи со способностями живущихъ въ немъ людей,—мысль, отстаиваемую также Шмоллеромъ и о которой можно еще разсуждать. А чудовищная идея объ „естественной законосообразности“ биржи и рентьеровъ находится внѣ круга предметовъ обсужденія для каждаго философа общественности, не живущаго въ состояніи полнѣйшей невинности.

Но и положеніе, что идеалъ расовой гигіены, т. е. благосостояніе рода, *обязательно* при всѣхъ условіяхъ долженъ быть поставленъ впереди всѣхъ другихъ, какъ это, повидимому, принимаетъ, напр., Альфредъ Плётцъ въ его книгѣ,—я считаю недоказаннымъ предположеніемъ. Прежде всего, „благо рода“ не есть цѣль высшаго порядка по сравненію съ какою-либо діаметрально-противоположною, напр., счастьемъ индивидуума. При извѣстныхъ условіяхъ одинъ идеалъ приходитъ въ конфликтъ съ другимъ, какъ это пыталось уже изобразить чуткое художественное творчество, — напр., Гергартъ Гауптманъ въ его первомъ произведеніи,— и уже сила аргументовъ рѣшаетъ побѣду того или другого идеала. При этомъ я не хочу оспаривать возможности, что идеалъ расовой гигіены можетъ доказать свое первенство предъ всѣми другими, напр., также и предъ соціально-политическимъ идеаломъ, поскольку его осуществленіе является conditio sine qua non къ достиженію какихъ-либо другихъ цѣлей, о чемъ будетъ еще говорено далѣе. Но я имѣлъ въ виду и оспаривалъ не эту необходимость, которая была бы равносильна практической потребности, а необходимость, желающую казаться естественной законосообразностью. Лишь противъ этой послѣдней направлялась пока моя полемика.

Мнѣніе, что соціальная политика должна оріентиро-

ваться согласно заимствованному извнѣ идеалу, т. е. признаніе необходимости чуждаго господства идеала въ области соціальной политики, раздѣляется, повидимому, и католическо-соціальной партіей. Только она обосновываетъ эту необходимость совершенно другимъ образомъ: она апеллируетъ къ вѣрѣ, которая лишь и можетъ привести къ предположенію о неизмѣнномъ естественномъ правѣ въ духѣ католическаго ученія. Я уже раньше указывалъ на то, что точка зрѣнія соціальныхъ католиковъ отличается большою ясностью и опредѣленностью, какъ и всѣ ученія замѣчательной въ этомъ отношеніи школы іезуитовъ.

Съ сознаніемъ собственнаго достоинства восклицаетъ упомянутый нами Тоніоло *): „Какая научнея школа или какая соціально-реформаторская партія въ состояніи выставить болѣе ясную и многообѣщающую программу, гарантированную опытомъ исторіи?“ Соціальные католики, дѣйствительно, имѣютъ точку опоры, исходя отъ которой они могутъ строить планъ переустройства общественнаго порядка въ опредѣленномъ направленіи. Конечно, для этого необходимо одно предварительное условіе, именно—вѣра въ божественность того „естественнаго“ порядка общества, осуществленіе котораго должно быть цѣлью. Католическо-соціальная теорія безсильна тамъ, гдѣ это условіе отсутствуетъ. Наука можетъ лишь констатировать это. Вступать въ полемику о конечной цѣли соціальнаго католицизма она не можетъ.

Наоборотъ, по существу научными аргументами борются этическо-соціальные политико-экономы, къ которымъ безъ всякихъ сомнѣній мы можемъ причислить и представителей евангелическо-соціальнаго направленія. Поэтому, если они видятъ необходимость этическаго идеала въ соціальной политикѣ, то мы можемъ

*) La pretesa evoluzione sociale della chiessa. Riv. intem. VI. 29.

прилагать къ ихъ доказательствамъ масштабъ научной критики. Къ сожалѣнію, здѣсь въ большинствѣ случаевъ совершенно отсутствуетъ благодѣтельная опредѣленность воззрѣній, свойственная католикамъ. Посмотримъ же, что можно установить на основаніи болѣе ясно выраженныхъ мнѣній этической школы?

Поскольку можно судить, поводомъ къ „этизированію“ соціальной политики послужили, главнымъ образомъ, два соображенія. Первое изъ нихъ—что экономическая дѣятельность также подлежитъ этической оцѣнкѣ. Для спеціалиста достаточно напомнить хотя бы споръ между Ласономъ и Шмоллеромъ о „нравственномъ характерѣ“, присущемъ дѣятельности вбиванія гвоздя. Шмоллеръ полагалъ тогда, что и при этомъ должно быть дано мѣсто этическимъ соображеніемъ. Или припомнимъ слова Густава Кона *) о „любимой манерѣ исключать экономическую дѣятельность изъ области этики“ и „выводимой отсюда независимости эгоизма“. Впрочемъ, взгляды „этической“ политической экономіи настолько извѣстны, что ихъ подробное изложеніе здѣсь излишне.

Второе соображеніе, которое повело къ узурпаціи соціально-политической области этикой, состоитъ въ томъ, что процвѣтаніе экономической жизни или, какъ обыкновенно выражаются, возможно-обильное производство богатствъ не можетъ быть конечною цѣлью человѣческихъ стремленій и что, напротивъ, сами экономическіе успѣхи должны быть лишь средствомъ къ цѣли—существованію, „достойному человѣка“, съ точки зрѣнія этики. Этотъ порядокъ идей тоже знакомъ каждому, кто нѣсколько начитанъ въ политико-экономической литературѣ послѣднихъ десятилѣтій. Онъ происходитъ отъ Сисмонди и Карлейля и въ полной чистотѣ встрѣчается снова въ новѣйшемъ сочиненіи эти-

*) System, I. 384.

ческой политической экономіи, много разъ упоминавшейся книгѣ Штамлера, гдѣ опять повторяется, что „производство“ не можетъ быть „основнымъ явленіемъ“, „не можетъ представить безусловной конечной цѣли соціальной жизни“ и т. д. Откуда съ видимой послѣдовательностью умозаключается: значитъ, въ соціальной политикѣ надо руководствоваться не ея собственнымъ, а высшимъ идеаломъ—этическимъ. Но при внимательномъ разсмотрѣніи мы находимъ, что эта дедукція основана на ложномъ умозаключеніи. Безъ дальнѣйшихъ разсужденій можно принять обѣ посылки этиковъ. Конечно, было серьезной ошибкой старой школы объявить экономическую дѣятельность индифферентной въ нравственномъ отношеніи. Не надо было особаго глубокомыслія, чтобы видѣть поверхностность этого взгляда. Немного философской подготовки было достаточно, чтобы раскрыть это очевидное недоразумѣніе.

Само собою разумѣется, что человѣкъ, какъ нравственное существо, представляетъ неразрывное цѣлое, которое не можетъ въ одной сферѣ его дѣятельности подлежать нравственной оцѣнкѣ, а въ другой—нѣтъ. Понятно само собою, что и самыя незначительныя дѣйствія, чисто-техническая операція съ гвоздемъ, также составляютъ элементъ всей совокупности дѣйствій нравственной индивидуальности. Одержать побѣду должна была „этическая“ политическая экономія и въ критикѣ торгашескаго идеала прежней буржуазной экономіи.

Ужъ слишкомъ грубо было стремленіе этого направленія политической экономіи, заклейменнаго Сисмонди названіемъ „хрематистики“ (искусства разбогатѣть), низвести идеалъ человѣчества на уровень идеала американскаго свиновода. Можно было даже обойтись безъ тяжелой артиллеріи кантовской этики, чтобы поколѣнію, менѣе погрязшему въ кругѣ понятій Lombard Street, доказать чудовищность слѣдствій „производительнаго

идеала“: желаніе сдѣлать людей, а именно рабочихъ, средствомъ къ достиженію матеріальныхъ цѣлей—массы производимыхъ богатствъ; хотя, конечно, эта точка зрѣнія и не была такъ „безчеловѣчна“, какъ ее теперь представляютъ. „Конечная цѣль“ и тамъ была „гуманна“,—не бездушная масса богатствъ, а вполнѣ жизненные карманные интересы класса предпринимателей представляли „безусловную конечную цѣль соціальной жизни“. Это все-таки надо упомянуть въ защиту чести старой буржуазной экономіи.

Но что доказываетъ все это по вопросу: должна ли соціальная политика заимствовать идеалъ у этики? Мнѣ кажется, ровно—ничего. Иначе какъ же? Значитъ, идеалы всѣхъ нашихъ дѣйствій должны быть этическими, если всѣ дѣйствія человѣка подлежатъ этической оцѣнкѣ? Или во всѣхъ сферахъ нашей дѣятельности должны господствовать этическіе мотивы потому, что наша конечная цѣль можетъ быть нравственной? Совершенно нѣтъ. Наоборотъ, считая само собою понятнымъ, что въ отдѣльныхъ сферахъ нашей дѣятельности господствуютъ особые идеалы и только экономическая область почему-то непремѣнно должна оставаться въ зависимости отъ этическихъ соображеній. Можетъ быть, врачъ лѣчитъ больного съ этической точки зрѣнія? Или гигіенистъ дѣйствуетъ сообразно предписаніямъ этики? Ихъ идеаломъ служитъ нормально-функціонирующій организмъ человѣка, который въ свою очередь, конечно, является носителемъ нравственныхъ идей и можетъ не быть абсолютной конечной цѣлью человѣческихъ стремленій; но для нихъ онъ представляетъ единственную руководящую нить ихъ искусства.

А если дѣятельность врача и гигіениста захотятъ причислить къ животной области, чтобы этимъ объяснить не-этическій характеръ ихъ идеаловъ, то спрашивается: художникъ творитъ, ученый изслѣдуетъ, руководствуясь этическими принципами, или нѣтъ?

Не находятъ ли оба руководящій идеалъ въ ихъ собственной сферѣ дѣятельности?

Не господствуетъ ли въ искусствѣ идеалъ красоты, а въ наукѣ—идеалъ истины?

Оба идеала не „этичны“—и все-таки служатъ идеалами духовной человѣческой дѣятельности.

Итакъ—что и требовалось доказать: — сколь несомнѣнно, что каждое экономическое, даже каждое техническое дѣйствіе и дѣйствіе врача, художника или ученаго могутъ быть подвергнуты нравственной оцѣнкѣ, столь же мало основаній экономическимъ результатамъ, какъ и всякимъ другимъ частнымъ результатамъ человѣческой дѣятельности, быть конечными цѣлями нашего существованія; совершенно невозможно допустить, что уже этимъ однимъ будто бы доказывается необходимость построенія экономической жизни на этическихъ основахъ, навязыванія соціальной политикѣ идеала, заимствованаго изъ этики. *Возможность* особаго соціально-политическаго идеала должна существовать при всѣхъ условіяхъ. Конечно, съ другой стороны, такимъ же образомъ уже господствующее направленіе доказываетъ *возможность* этическаго идеала для соціальной политики.

Поэтому намъ остается еще привести другую часть защиты автономности соціально-политическаго идеала, въ которой будетъ доказано, что если зависимость даже и возможна, то все-таки она нецѣлесообразна.

2) *Чуждое господство въ соціальной политикѣ нецѣлесообразно.*

Важнѣйшее требованіе, которое должно быть исполнено руководящимъ идеаломъ какой-либо отрасли политической дѣятельности, заключается, по-моему, въ слѣдующемъ: быть вѣрнымъ, надежнымъ и недвусмысленнымъ, чтобы всегда служить политику для несомнѣннаго указанія пути.

Какъ маякъ, который изъ нѣсколькихъ, а не изъ

одной неподвижной точки испускаетъ лучи хорошо извѣстнаго свѣта, причинилъ бы кораблю, вмѣсто спасенія, погибель, такъ и политику грозитъ серьезная опасность отъ идеала, который, на подобіе блуждающаго огонька, лишенъ спокойствія и постоянства свѣтильника, указывающаго путь. А именно такими кажутся мнѣ этическо-соціальный и христіанско-соціальный идеалы, какъ руководящія нити соціальной политики.

Прежде всего мы спрашиваемъ: даютъ ли этическія и религіозныя соображенія *внѣ* экономической жизни точку опоры, изъ которой эта жизнь можетъ быть направляема? Хотя нѣкоторые представители этихъ міровоззрѣній и утверждаютъ это, но мы знаемъ уже, какимъ путемъ можно достигнуть того „неподвижнаго полюса въ потокѣ явленій“: путемъ безусловной, чистой вѣры въ предустановленную гармонію. Но хотимъ ли, можемъ ли мы хоть одну важную сферу человѣческо-практической дѣятельности ставить въ зависимость отъ этого требованія? Я думаю, что никто внѣ тѣснаго круга строго-вѣрующихъ католиковъ не захотѣлъ бы построить зданіе современной соціальной политики на такомъ неустойчивомъ фундаментѣ. По меньшей мѣрѣ, пришлось бы всѣмъ несогласно мыслящимъ заново искать руководящій принципъ ихъ соціально-политической дѣятельности. А главное, такъ какъ правительства современности и, вѣроятно, также ближайшаго будущаго, не сдѣлаются приверженцами ортодоксальной католическо-соціальной точки зрѣнія, то для практической жизни этимъ ничего бы не выигрывалось.

Сказанное относится къ тому, что называютъ „матеріальнымъ“, естественнымъ правомъ, т. е. такимъ, которое заключаетъ въ себѣ конкретныя формы соціальнаго порядка. Гдѣ естественное право—какъ, напр., у Штамлера—сводится къ чисто формальному принципу „руководящей идеи“, тамъ главнымъ сомнѣніемъ является то, что такой принципъ совершенно не даетъ

годнаго къ употребленію руководства для практическихъ политическихъ мѣропріятій, о чемъ будетъ еще сказано ниже.

Охарактеризованныя выше точки зрѣнія, которыя можно назвать абсолютными, имѣютъ, по крайней мѣрѣ, одно преимущество—хотя и непригодной, но твердой руководящей основы. Наоборотъ, всѣ тѣ этическія системы, которыя признаютъ измѣняемость основъ нравственности въ различные періоды времени, можно сравнить съ кораблемъ, несущимся по теченію. Въ противоположность къ абсолютнымъ, ихъ можно назвать относительными.

Теперь спрашивается, что могутъ дать они для сколько-нибудь вѣрнаго направленія соціальной политики? Экономическая жизнь должна быть „этизирована“, приведена въ соотвѣтствіе съ требованіям законовъ нравственности. Но подъ вліяніемъ чего вырабатываются наши понятія о нравственно-дозволенномъ и запрещенномъ? Они представляютъ „осадокъ“ всего бытія въ данную эпоху,—говорятъ этики. Но это, во всякомъ случаѣ, не значитъ, чтобы мы представляли ихъ упавшими съ неба; это противорѣчило бы основамъ міровоззрѣнія эволюціонистовъ-этиковъ. Слѣдовательно, мы должны заключить, что они представляютъ результатъ всѣхъ условій существованія человѣчества въ данное время, будетъ ли ихъ возникновеніе разсматриваться съ теологической или какой другой точки зрѣнія.

Я совершенно не хочу разсматривать здѣсь колоссальную проблему о генезисѣ нравственныхъ представленій. Но со мной, навѣрное, согласятся, что къ числу факторовъ, которые именно по воззрѣніямъ современной эволюціонистской этики играютъ громадную роль въ образованіи нравственныхъ понятій, принадлежитъ экономическій. Если изъ условій окружающей среды должны быть объяснены измѣненія того, что мы по существу считаемъ нравственно-дозволеннымъ или запрещен-

Госуд рст ная
ордена Ле на
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

нымъ, то, какъ одинъ изъ самыхъ важныхъ элементовъ этой среды, безспорно должна быть принята во вниманіе организація экономической жизни, хотя такой взглядъ и не обязываетъ еще къ признанію такъ наз. „матеріалистическаго“ пониманія исторіи. А захотятъ послѣдователи относительной этики, говорящіе объ „осадкѣ нравственныхъ идей“, отрицать эту зависимость, такъ мы покорнѣйше просимъ ихъ сказать намъ прежде всего, откуда же еще долженъ получиться этотъ „осадокъ?“ Итакъ, проповѣдники этическо-соціальныхъ взглядовъ, если они захотятъ обосновать свою точку зрѣнія съ ясностью, необходимою для выясненія вопрсоа, но, къ сожалѣнію, слишкомъ часто отсутствующею, то не смогутъ отрицать внутренняго противорѣчія своихъ воззрѣній, состоящаго въ томъ, что они прикладываютъ къ экономической жизни масштабъ, заимствованный изъ той самой экономической жизни, которую хотятъ измѣрять. Что это теоретическое противорѣчіе въ „этизированіи“ соціальной политики сопровождается *опасными послѣдствіями въ практической жизни*, можетъ убѣдиться каждый, кто безпристрастно наблюдаетъ вліяніе „этической“ политической экономіи на хозяйственную жизнь. По своей природѣ это направленіе всегда экомически-реакціонно. Самый фактъ его возникновенія представляетъ реакцію противъ слишкомъ быстраго темпа экономическаго прогресса.

Капитализмъ создаетъ почти одновременно рабочее движеніе и „этическую“ политическую экономію или, что по существу равносильно, христіанскій соціализмъ: во Франціи и Англіи около половины нашего вѣка, въ Германіи для поколѣнія нашихъ отцовъ, а въ Италіи, напр., теперь. Но въ то время, какъ рабочее движеніе выступаетъ прогрессивной силой, т. е. не стремится къ уничтоженію ни одного современнаго завоеванія высшихъ формъ экономической жизни, историческая миссія „этической“ политической экономіи состоитъ въ

„задерживаніи“. Все совершается черезчуръ быстро; при этомъ бѣшеномъ темпѣ мы теряемъ весь нашъ культурный багажъ, „нравственное“ преобразованіе не поспѣваетъ за экономическимъ; старыя, испытанныя формы хозяйственной жизни, разсадники покорности и порядка, патріархальныхъ нравовъ и морали должны быть предохранены отъ разрушительнаго вліянія промышленной революціи, слабые должны быть защищены, сильные укрощены—такъ звучатъ предостереженія „этической“ политической экономіи по адресу правительствъ. Основнымъ мотивомъ всѣхъ „этическихъ“ и большинства христіанско-соціальныхъ экономій является инстинктивный ужасъ предъ крупно-капиталистическимъ развитіемъ и симпатія ко всѣмъ формамъ мелкаго производства и ихъ носителямъ: мелкимъ крестьянамъ, мелкимъ ремесленникамъ, мелкимъ кустарямъ и т. д.

И это очень понятно: вѣдь всѣ взгляды объ отвѣчающей требованіямъ этикѣ хозяйственной жизни могутъ вырастать, если не на капиталистической почвѣ, то лишь на почвѣ до-капиталистической системы производительныхъ отношеній. На первой выросла этика или безнравственность „вульгарной экономіи“, вторая породила этическую и христіанско-соціальную политическую экономію, которая представляетъ, можно сказать, теоретическое выраженіе консервативной мелкой буржуазіи, какъ отдѣльныя формы проявленія соціализма, напр., Прудона, являются теоретическимъ выраженіемъ прогрессивной мелкой буржуазіи. Попутно я хочу указать на то, какъ научный соціализмъ, тоже признающій эволюціонную этику, совершенно логичнымъ образомъ отказался, при требованіи опредѣленной формы соціальнаго порядка, отъ ссылки на этическіе принципы, такъ какъ они всегда представляли бы лишь результатъ современности.

Для доказательства, какъ безпочвенно, неустойчиво

и, слѣдовательно, сомнительно этизированіе соціальной политики, я хотѣлъ лишь иллюстрировать сказаннымъ опасныя послѣдствія этого для практической жизни.

„Этическая“ соціальная политика по существу всегда реакціонна въ своихъ тенденціяхъ, что достаточно подтверждается историческимъ опытомъ.

Но она кроетъ въ себѣ еще одну, не менѣе серьезную, опасность для успѣшнаго развитія хозяйственной жизни, также присущую ея натурѣ. А именно— „этическая“ экономическая политика имѣетъ прирожденную тенденцію къ безсистемности, отсутствію строгаго плана, казуистикѣ, близорукому политиканству, эклектизму.

Этическіе и вѣроисповѣдные соціалъ-политики, если мы исключимъ уже разобранную доктрину ортодоксальнаго католицизма,—въ своей критикѣ общественно-хозяйственной жизни никогда не приходятъ къ полному осужденію или одобренію данной экономической системы въ цѣломъ. Наоборотъ, они гордятся тѣмъ, что предпринимаютъ ихъ этическія и вѣроисповѣдныя оцѣнки „отъ случая къ случаю“. Такимъ путемъ они никогда не приходятъ, да съ ихъ точкой зрѣнія и не могутъ придти, къ опредѣленной системѣ экономической политики или, что равносильно этому, политикѣ хозяйственной системы. У нихъ идетъ непрерывное зашиваніе прорѣхъ и смягченіе золъ—сегодня капитализма, завтра ремесла, послѣ-завтра крестьянства, а тамъ крупнаго землевладѣнія, и въ результатѣ, конечно, получается хаосъ. Если въ нѣкоторыхъ изъ современныхъ государствъ и какъ разъ тѣхъ, въ которыхъ этическая національная экономія особенно процвѣтаетъ, экономическая политика современности слѣдуетъ зигзагообразному курсу, то я склоненъ не малую долю вины отнести на счетъ злосчастнаго подсахариванія соціальной политики всякаго рода этическими соображеніями.

Какъ опасенъ для экономическаго развитія можетъ

быть этотъ, лишенный плана, ворчливый морализмъ, обнаруживается съ особенной ясностью тогда, когда его жертвой дѣлается одинъ изъ неизбѣжныхъ членовъ хозяйственной системы, существованіе которой въ цѣломъ не подвергается опасности. Такъ, напр., „нравственныя“ воззрѣнія многихъ „этиковъ“ легко мирятся съ фактомъ безчеловѣчной эксплоатаціи ремесленникомъ его учениковъ или юнкеромъ зависимой отъ него крестьянской бѣдноты, но возмущаются срочными сдѣлками на биржѣ. Мигомъ устраняются сдѣлки на срокъ и другіе „злокачественные наросты“ капитализма подъ благовиднымъ предлогомъ этическихъ соображеній, за которыми въ большинствѣ случаевъ бываютъ скрыты реальные интересы, пышно разрастающіеся подъ этическимъ покровомъ. При этомъ почти не возбуждается вопросъ о взаимодѣйствіи отдѣльныхъ учрежденій, неразрывной связи ихъ съ данной системой экономическихъ отношеній. „Этики“ даже гордятся своимъ доктринерствованіемъ „отъ случая къ случаю“. Модная теперь травля на все, что зовется „торговлей“, характерна для принципіально-ложной точки зрѣнія этого рода критики: понятія о томъ, что „справедливо“, почерпаются ею изъ до-капиталистическаго времени.

Тогда, дѣйствительно, торговля была второстепеннымъ явленіемъ экономической жизни; „производительнымъ“ трудомъ было изготовленіе предметовъ непосредственнаго потребленія. И вотъ, теперь этотъ антикварный масштабъ отжившаго періода экономическихъ отношеній прилагаютъ къ совершенно измѣнившимся условіямъ, на дурацкій манеръ различаютъ „производительныя“ и „непроизводительныя“ сословія и пытаются возможно ограничить дѣятельность послѣднихъ, ссылаясь на вѣчныя истины этики и теологіи. Все это является совершенно естественнымъ послѣдствіемъ экономической политики, искаженной и сбитой на ложный путь „этикой“. Возраженіе, что выдающіеся „эти-

ческіе“ политико-экономы не раздѣляютъ лично всѣхъ этихъ заблужденій,—недѣйствительно потому, что въ основѣ такихъ заблужденій неоспоримо лежатъ проповѣдуемыя ими ученія. Можно сказать, что до сихъ поръ указанные недостатки, присущіе каждому этическо-соціальному идеалу, преимущественно формальнаго характера: изъ смѣшенія причинной зависимости между экономической жизнью и нравственными понятіями слѣдуетъ неопредѣленность точки зрѣнія при оцѣнкѣ соціально-политическихъ проблемъ, отсутствіе планомѣрности и цѣлесообразности. Но заключительныя соображенія показали намъ, что эти теоретическіе промахи, эти органическіе недостатки могутъ имѣть очень серьезное значеніе и въ практической жизни. И соображеніе, что правильный выборъ соціально-политическаго идеала имѣетъ громадную важность для формированія всего культурнаго развитія въ извѣстномъ направленіи, является послѣднимъ и, пожалуй, наиболѣе вѣскимъ аргументомъ противъ умѣстности этическихъ точекъ зрѣнія въ экономической, а въ особенности—соціальной политикѣ.

Здѣсь дѣло идетъ объ установленіи порядка относительной важности различныхъ сферъ человѣческой дѣятельности, скáлы отдѣльныхъ стремленій объ установленіи правильной послѣдовательности факторовъ нашего существованія.

При этомъ съ особой рѣшительностью должно быть констатировано, что, безспорно, первое мѣсто по важности занимаетъ экономическая жизнь на томъ простомъ основаніи, что отъ ея цѣлесообразной организаціи зависятъ всѣ остальныя проявленія человѣческаго существованія. Поставлю я цѣлью моихъ стремленій національное могущество, цвѣтущую и здоровую расу, покровительство хорошему, истинному и прекрасному, или я буду считать высшею цѣлью матеріальное наслажденіе—во всѣхъ случаяхъ житейскія потребности

моего земного несовершенства вынуждаютъ меня прежде всего устроить нормально-экономическую жизнь, т. е. поддерживать ее въ здоровомъ и цвѣтущемъ состояніи. При болѣзненности хозяйственнаго организма и всѣ остальныя стремленія лишаются необходимой основы. Здѣсь наблюдается совершенно то же, что и въ индивидуальномъ организмѣ, гдѣ всѣ жизненныя проявленія обусловливаются нормальнымъ функціонированіемъ тѣла. И вотъ, изъ этихъ, повидимому, столь элементарныхъ истинъ получаются важные выводы для рѣшенія поставленной нами задачи.

А именно: если какая-либо чуждая дисциплина, въ частности та же этика, стремится захватить привилегію на декретированіе правилъ организаціи экономической жизни, *то это равносильно извращенію указанной нами „естественной“ послѣдовательности жизненныхъ проявленій человѣческой дѣятельности.* Такое чуждое господство необходимо ведетъ къ подчиненію узурпированной области его волѣ, стремится къ первенству *его* цѣлей. Допущеніе господства этическаго идеала въ области соціальной политики равносильно признанію унаслѣдованныхъ отъ старины понятій „нравственно дозволеннаго“ границами, въ которыхъ лишь и можетъ вестись хозяйственная дѣятельность. Но этимъ производительныя силы заковываются въ такія цѣпи, которыя препятствуютъ успѣшному развитію экономической жизни. Не понятіе „нравственно“ должно ограничивать хозяйственную дѣятельность, а, наоборотъ, хозяйственныя нужды образуютъ границы, въ предѣлахъ которыхъ нравственное можетъ быть осуществлено.

Это значитъ: мы должны въ общемъ принимать, какъ данныя, тѣ условія человѣческаго общежитія, которыя созданы требованіями успѣшной хозяйственной дѣятельности, и можемъ лишь стремиться къ тому, чтобы въ этихъ предѣлахъ осуществить требованія этики. Или, другими словами, мы должны стремиться

привести въ соотвѣтствіе требованія этики съ требованіями экономическаго прогресса, на подобіе того, какъ либеральная этика новаго времени сознательно или безсознательно содѣйствовала ея выводами потребностямъ развивающагося капитализма.

Фактически всегда и вездѣ культурное развитіе и совершалось такимъ образомъ, что новая этика, соотвѣтствующая высшей формѣ экономическихъ отношеній, вытѣсняла старую. А близорукіе историки какъ разъ изъ этого параллелизма экономики и этики поторопились сдѣлать выводъ, что, молъ, сама исторія свидѣтельствуетъ о господствѣ послѣдней надъ первой, тогда какъ въ дѣйствительности примѣненіе этическихъ принциповъ къ экономической жизни лишь потому не вредило, что этика означала ни что иное, какъ легкій тормазъ экономичскаго прогресса. Очевидно, этика играетъ при этомъ лишь чисто декоративную роль и въ лучшемъ случаѣ является излишней для экономическаго развитія, которое находитъ свой путь и безъ этическихъ рельсовъ.

Проблема отношенія этики къ экономикѣ всегда пріобрѣтаетъ большое практическое значеніе лишь тамъ, гдѣ этика выступаетъ консервативной или реакціонной экономически. И въ такомъ случаѣ, разъ она пріобрѣтаетъ вліяніе, она, по-моему, дѣйствуетъ вредоносно. Въ предѣлахъ совершеннаго экономическаго порядка всегда будетъ возможно устроиться сообразно требованіямъ морали; наоборотъ, не только нравственно, а и вообще невозможно существовать, разъ прекратится экономическое развитіе,—если только мы не хотимъ покончить съ культурной жизнью. А это явилось бы необходимой жертвой стремленія задержать по „этическимъ“ соображеніямъ прогрессъ общества къ высшимъ экономическимъ формамъ. Лишь онѣ даютъ намъ возможность прокормить возрастающее

населеніе, которое является основой современныхъ государствъ и культуры, условіемъ ихъ существованія.

Господа моралисты должны считаться съ этимъ фактомъ. На то они и созданы, чтобы подыскивать *формы* нравственности, соотвѣствующія необходимымъ экономическимъ переворотамъ. Здѣсь наблюдается отношеніе τὸ ζῆν къ τὸ εὖ ζῆν (физическаго существованія къ духовно-нравственной жизни) Аристотеля: безъ экономическаго прогресса прекращается τὸ ζῆν, а потому и τὸ εὖ ζῆν. И, слѣдовательно, все, что во имя εὖ ζῆν становится поперекъ дороги ζῆν, представляетъ явную опасность. Хочетъ этика приспособляться къ требованіямъ экономическаго прогресса, тогда хорошо, но въ такомъ случаѣ ея идеалъ не нуженъ для соціальной политики, а разъ она хочетъ противиться ему и въ противовѣсъ экономически-прогрессивному идеалу стремиться къ осуществленію идеала реакціоннаго, тогда она дѣйствуетъ вредоносно и попросту должна быть устранена.

V.

Выше приведенныя разсужденія должны были доказать, что господство чуждаго идеала въ области соціальной политики совершенно не представляетъ необходимости, а кромѣ того,—вовсе нецѣлесообразно, потому что противъ него имѣются очень серьезныя возраженія теоретическаго и практическаго характера. Теперь остается изслѣдовать другой вопросъ: возможенъ ли автономный соціально-политическій идеалъ и каковы должны быть въ общемъ его основы, чтобы онъ могъ отвѣчать справедливымъ требованіямъ?

Мы охарактизируемъ сущность самостоятельнаго политическаго идеала, а тѣмъ самымъ и здоровой соціальной политики, въ двухъ отношеніяхъ: формальномъ и матеріальномъ.

Для *формальнаго построенія соціальной политики* могутъ быть выставлены слѣдующія основныя положенія:

1) Соціальная политика *всеобща* въ томъ смыслѣ, что она равномѣрно охватываетъ всѣ отрасли хозяйственной жизни. Имѣя объектомъ принципіальное упорядочиваніе экономическихъ отношеній, ихъ формированіе въ опредѣленную систему и желая быть сознательной и ясной, соціальная политика не можетъ дѣйствовать иначе, какъ по единому плану, вліяя на всѣ стороны хозяйственной жизни, сообразно руководящимъ началамъ. Данная цѣль въ области торговой политики необходимо требуетъ совершенно опредѣленнаго направленія промышленной и аграрной политики. Не подвергаясь упреку въ отсутствіи плана и опредѣленнаго курса, нельзя одновременно держаться реакціонной промышленной политики и прогрессивнаго направленія въ области торговой политики. Въ каждой области хозяйственной жизни, въ каждой сферѣ экономической дѣятельности примѣнима соціальная и личная политика. Эта послѣдняя можетъ и не быть планомѣрной, тогда какъ соціальная политика можетъ быть цѣлесообразной лишь при условіи ея планомѣрности и единства. Говорить объ „аграрной, промышленной и торговой политикѣ“ на ряду или въ противоположность къ соціальной политикѣ—безсмыслица, неопровержимо доказывающая, что грѣшащіе въ этомъ отношеніи вообще не имѣютъ яснаго представленія о предметѣ. Гдѣ же обитаетъ это призрачное существо „соціальная политика“, если не въ названныхъ трехъ сферахъ хозяйственной жизни? Итакъ, схема не такова: 1) аграрная, 2) промышленная, 3) торговая, 4) соціальная политики, а представляется въ слѣдующемъ видѣ: I. Индивидуальная политика. II. Соціальная политика: а) аграрная, б) промышленная, в) торговая.

2) Но изъ необходимой общности и единства со

ціальной политики слѣдуетъ, *что всякая сознательная, цѣлесообразная соціальная политика неизбѣжно должна быть классовой.* Высказывая это мнѣніе, я снова прихожу въ рѣзкое противорѣчіе со взглядомъ, господствующимъ въ теоріи, которая учитъ, что задача мудрой политики заключается именно въ примиреніи выступающихъ въ обществѣ классовыхъ противорѣчій и охраненіи „общихъ интересовъ“ государства. Какъ примѣры господствующихъ мнѣній такого рода, я приведу хотя бы слѣдующія:

Либеральное мнѣніе—Гольцендорфъ „Принципы политики“ (298—99 стр.): „Сущность культурной работы государства заключается въ „сохраненіи общественнаго, въ особенности экономическаго и вѣроисповѣднаго мира“. „Въ общемъ сущность государственной культуры надо видѣть премущественно въ сосуществованіи различныхъ общественныхъ классовъ“.

Католическое мнѣніе—Гертлингъ „Естественное право и соціальная политика“ (4—5 стр.): „Законодательство и государственное управленіе ни въ коемъ случаѣ не должно руководиться односторонними интересами какого-либо слоя населенія, класса или сословія, а удовлетворять справедливымъ требованіямъ всѣхъ, стремиться къ соглашенію противоположныхъ интересовъ съ точки зрѣнія общаго блага. Именно въ этомъ состоитъ задача соціальной политики въ дѣйствительномъ и общемъ значеніи этого слова. Она заключается въ руководствѣ, поддержкѣ и соглашеніи государствомъ различныхъ круговъ общества въ интересахъ государственнаго общежитія“.

Катедеръ-соціалистическое мнѣніе, какъ само собою вытекающій выводъ изъ любезнаго ученія о „soziałem Königtum“—*Шмоллеръ* „Соціальный вопросъ и прусское государство“: „Какъ раньше въ двухсотлѣтней борьбѣ королевской власти удалось спасти (!) третье сословіе—бюргерство и крестьянство—и примирить ихъ съ гос-

подствовавшими прежде классами, такъ въ XIX вѣкѣ она должна примирить споръ четвертаго сословія съ остальными классами, снова гармонически сочетать четвертое сословіе съ государственно-общественнымъ организмомъ".

Итакъ, я, въ противоположность этому, полагаю, что всякая сознательно-цѣлесообразная соціальная политика необходимо должна быть классовой политикой, и при томъ въ двоякомъ смыслѣ.

Соціальная политика должна быть классовой прежде всего потому, что она распространяется на опредѣленный соціальный классъ, а не на произвольно созданныя категоріи лицъ въ родѣ всѣхъ „маленькихъ людей" и тому подобныхъ нелѣпыхъ группъ. Это слѣдуетъ изъ моего опредѣленія понятія соціальной политики. Но она имѣетъ классовый характеръ и въ томъ смыслѣ, что можетъ преслѣдовать не „общіе интересы", а всегда лишь интересы отдѣльныхъ классовъ. Въ доказательство этой мысли приведу слѣдующее: общіе интересы общежитія, въ данномъ случаѣ государства, существуютъ лишь по отношенію къ другимъ общежитіямъ, слѣдовательно, только внѣ, а не внутри его. Существованіе, достоинство и могущество государства можетъ быть представляемо равномѣрно для всѣхъ гражданъ во внѣшней національной политикѣ (хотя этого можетъ и не быть: національная политика очень легко можетъ совпадать съ классовой политикой). Внутренняя жизнь государства, наоборотъ, характеризуется разнородностью интересовъ, которая на извѣстномъ пунктѣ неизбѣжно приходитъ къ противоположности интересовъ, для которыхъ не существуетъ примиренія.

Противоположность интересовъ основывается на несовмѣстимости между собою различныхъ системъ хозяйства, напр., ремесленнаго производства для мѣстнаго рынка и развитой капиталистической промышленности. „Примиреніе" или „соглашеніе" интересовъ, свя-

занныхъ съ каждой изъ этихъ хозяйственныхъ системъ, очевидно, было бы мыслимо лишь въ такой формѣ, что между ними было бы возстановлено подвижное равновѣсіе, напр., чрезъ отграниченіе каждой изъ нихъ надолго опредѣленной сферы дѣятельности. Но такого рода конструкція была бы фантастична, т. е. лишена реальнаго основанія. Она не считается съ фактомъ, что экономическая жизнь находится въ процессѣ непрерывныхъ переворотовъ, что, въ особенности въ наше время, капитализмъ имѣетъ тенденцію къ распространенію и неограниченному господству. А переворотъ всегда можетъ совершаться лишь такъ, что новое положеніе развивается на счетъ отживающаго: „гдѣ одно занимаетъ мѣсто, тамъ другое должно отодвинуться“.

Разъ только въ сохраненіи даннаго положенія заинтересована извѣстная группа лицъ, что всегда имѣетъ мѣсто, то переворотъ совершается къ ихъ невыгодѣ. Очень можетъ быть, что опредѣленное экономическое развитіе, напр., въ направленіи капитализма, необходимо и желательно для сохраненія внѣшняго могущества даннаго общежитія или для существованія теперешняго и будущихъ поколѣній живущихъ въ немъ людей, что поэтому, напр., промышленная политика должна быть направлена къ развитію капитализма. Но что этимъ будутъ преслѣдоваться „общіе интересы“— по меньшей мѣрѣ неясное выраженіе. Вѣдь при этомъ необходимо будутъ нарушены интересы вытѣсненныхъ капитализмомъ ремесленниковъ, которые, несомнѣнно, желаютъ, чтобы *ихъ* интересы тоже были включены въ „общіе интересы“, такъ же, какъ этого желаетъ извозчикъ, если желѣзная дорога отрѣзываетъ ему жизненную нить, или мелкій лавочникъ, котораго давитъ большой магазинъ.

А въ то же время очевидно, что, преслѣдуя одновременно сохраненіе и содѣйствіе развитію двухъ взаимно исключающихся системъ хосяйства,—соціаль-

ная политика становится безцѣльной и лишенной плана. Она можетъ замедлить темпъ развитія, сопровождаясь гуманной индивидуальной политикой въ интересахъ элементовъ, клонящихся къ упадку. Но соціальная политика должна всегда опредѣленно имѣть въ виду направленіе, въ которомъ переустраивается экономическая жизнь, а это можетъ быть лишь направленіемъ побѣднаго шествія опредѣленной системы хозяйства, значитъ, отдѣльнаго соціальнаго класса.

Въ основѣ нашего взгляда лежитъ мысль о вѣчномъ теченіи экономической жизни; поэтому, особенно въ отношеніи къ современности, онъ находится въ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью. Основой другого взгляда служитъ идея о неподвижномъ состояніи гармоническаго дѣленія общества, но онъ противорѣчитъ исторіи. *Мы* думаемъ, что опредѣленныя системы хозяйства смѣняютъ одна другую и прекращаютъ взаимную борьбу не раньше, какъ послѣ побѣды одной изъ нихъ; *они* же—сравните, напримѣръ, выше цитированное мнѣніе *Шмоллера* — представляютъ соціальное развитіе такъ, какъ будто возникаютъ все новые классы, которые, на подобіе новыхъ членовъ семьи, присоединяются къ существующимъ и должны быть упорядочены въ отношеніяхъ съ ними, какъ бы выполняя различныя функціи общественнаго организма и потому, при умѣломъ руководствѣ правителя государства, могущіе въ полной гармоніи существовать совмѣстно. Такъ были включены „крестьянство и третье сословіе“, теперь пришла очередь пролетаріата; семья получила приростъ, но ея старшіе члены уже сумѣютъ устроиться и придти къ соглашенію съ младшими. Мы же, наоборотъ, видимъ въ заново вырастающихъ классахъ лишь новыхъ борцовъ. Мѣняются фронты борющихся силъ, но остается борьба съ лозунгомъ „побѣда или смерть“ между крупнымъ землевладѣльцемъ и крестьяниномъ (иногда, правда, могутъ наступать періоды, въ которыхъ воюю-

щія стороны складываютъ оружіе и какъ бы заключаютъ перемиріе), между купцомъ и ремесленникомъ, буржуа и юнкеромъ, между капиталистомъ и пролетаріемъ. И соціалъ-политикъ долженъ стать въ этой борьбѣ на ту или другую сторону, если онъ хочетъ снизойти до роли „безпартійнаго“, т. е. ограничиваться чисто формальной политикой... Правительство, которое захотѣло бы „стоять выше партій“, — предполагая это возможнымъ,—необходимо сдѣлалось бы или правительствомъ зигзагообразнаго курса, которое толкало бы экономическую жизнь то въ одномъ, то въ другомъ направленіи, преслѣдуя сегодня юнкерскую, завтра мелкобуржуазную, а послѣ-завтра капиталистическо-пролетарскую политику, или оно имѣло бы лишь декоративное значеніе, т. е. не преслѣдовало бы никакой самостоятельной политики, — оно носило бы на себѣ всѣ признаки дряхлости. Исторія учитъ насъ, что всѣ сильныя, юношески-бодрыя правительства преслѣдовали рѣзко выраженную классовую политику, а именно: энергически представляли интересы экономически-прогрессивнаго для каждаго даннаго времени класса.

Послѣднее замѣчаніе касается уже вопроса о *содержаніи соціальной политики*, который въ точной формулировкѣ гласитъ: если сознательно-цѣлесообразная соціальная политика необходимо должна быть кассовой, потому что она является политикой системъ, то *какой же* соціальный классъ, *какая* хозяйственная система должна пользоваться содѣйствіемъ?

Спрашивая такимъ образомъ, мы должны припомнить сказанное въ началѣ этого изслѣдованія объ отношеніи науки къ политическому идеалу, а именно, что никогда не должно считать задачей науки доказательство ложности или вѣрности „конечныхъ цѣлей“. А въ извѣстномъ смыслѣ и каждый частный идеалъ опредѣленной дѣятельности переходитъ въ ту сферу, гдѣ научное познаваніе безсильно и господствуетъ вѣра.

Я не имѣю здѣсъ въ виду того обстоятельства, что опредѣленные интересы необходимо влекутъ къ преслѣдованію извѣстныхъ цѣлей, а хочу лишь указать на простой фактъ, что послѣднимъ аргументомъ, рѣшающимъ для каждаго человѣка вопросъ о направленіи его дѣятельности, является общее міровоззрѣніе и пониманіе жизненныхъ задачъ. Никто не сможетъ привести научные аргументы, которые могли бы, напр., доказать „ложность“ точки зрѣнія Діогена или индійскаго столпника на экономическое развитіе общества, если бы они дѣлали выводъ, что возможно-меньшее развитіе производительныхъ силъ является цѣлью стремленій, идеаломъ экономической жизни, который надо осуществить.

Никто не сможетъ „научно“ опровергнуть того, кто считаетъ должнымъ освободить человѣчество отъ рабства экономической нужды, напр., систематическимъ огражденіемъ дѣторожденій или даже реальнымъ, а не только книжнымъ „отрицаніемъ воли къ жизни“, попросту говоря, самоубійствомъ. То, что мы противопоставляемъ такимъ воззрѣніямъ, есть антипатія, возмущеніе, отвращеніе, т. е. наше собственное, иное міровоззрѣніе, а ни въ коемъ случаѣ не научныя доказательства. Поэтому наука, какъ уже было выяснено раньше, сознавая границы ея приложимости, должна ставить проблемы такъ, чтобы она могла ихъ рѣшить.

И тогда проблема дѣйствительной, матеріальной соціальной политики получитъ слѣдующую формулировку:

Если извѣстныя стремленія человѣчества будутъ признаны правомѣрными, то какова должна быть соціальная политика. Такими правомѣрными стремленіями я считаю: сохраненіе и умноженіе нашихъ современныхъ культурныхъ благъ, сохраненіе и упроченіе нашего національнаго могущества, по крайней мѣрѣ, противъ низшихъ восточно-европейскихъ и азіатскихъ на-

родовъ, естественное возрастаніе населенія, расширеніе благъ культуры на все болѣе широкіе слои населенія, возможное улучшеніе матеріальнаго существованія, т. е. самое широкое господство надъ силами природы и возможно-большее освобожденіе людей отъ хозяйственной дѣятельности. Лишь тому, кто согласенъ со мною въ этихъ „конечныхъ цѣляхъ“,—въ дѣйствительности онѣ признаются подавляющимъ большинствомъ европейско-американскаго культурнаго человѣчества,—я могу научнымъ образомъ доказать необходимость достиженія опредѣленныхъ ближайшихъ цѣлей посредствомъ соціальной политики, какъ conditio sine qua non осуществленія названныхъ „конечныхъ цѣлей“. Это значитъ—выборъ опредѣленнаго соціально-политическаго идеала, въ концѣ концовъ, зависитъ отъ общаго міровоззрѣнія и жизнепониманія данной личности, и необходимость его можетъ быть обоснована лишь какъ средства къ цѣли. Могутъ возразить мнѣ, что этимъ я, наконецъ, все-таки уничтожаю самостоятельность соціально-политическаго идеала и подчиняю соціальную политику чуждымъ точкамъ зрѣнія. Совсѣмъ нѣтъ. Я уже раньше предостерегалъ отъ заблужденія, что организація хозяйственной жизни можетъ когда-нибудь сдѣлаться „абсолютной конечной цѣлью“ человѣческаго существованія, никогда не отрицая характера соціально-политическаго идеала, какъ одной изъ цѣлей. Но я отрицалъ господство въ соціальной политикѣ чуждыхъ точекъ зрѣнія. Соціальная политика должна, по-моему, руководиться исключительно соціально-политической точкой зрѣнія. Я хочу построить соціальную политику, достигнуть единства и ясности системы на почвѣ ея собственнаго идеала; *это* называю я самостоятельностью соціально-политическаго идеала, а не объявленіе абсолютными соціально-политическихъ цѣлей.

Теперь, я думаю, не представитъ болѣе трудности

отвѣтъ на нашъ вопросъ о наиболѣе цѣлесообразной соціальной политикѣ. Онъ долженъ быть таковъ:

Здоровая соціальная политика должна имѣть своей задачей возможную поддержку того соціальнаго класса, который является носителемъ экономическаго прогресса, потому что лишь такимъ путемъ можетъ быть осуществленъ ея идеалъ: высшее развитіе производительныхъ силъ, достиженіе котораго необходимо требуется въ интересахъ культурнаго прогресса.

Это можетъ быть формулировано и такимъ образомъ:

Идеалъ соціальной политики есть экономически совершенное, которое представляется для каждаго даннаго времени высшей по развитію хозяйственной системой, т. е. системой хозяйства высшей производительности.

Дальнѣйшее обоснованіе этихъ положеній не составляетъ задачи настоящаго изслѣдованія, предназначеннаго лишь для выясненія основной точки зрѣнія. Иначе понадобилось бы систематическое изложеніе цѣлей современной соціальной политики, а для этого необходимы еще пока обширныя предварительныя работы, изъ которыхъ нѣкоторыя уже сдѣланы мною.

Теперь мнѣ хотѣлось бы лишь еще разъ пробудить и укрѣпить въ читателѣ вѣрное пониманіе принципіальной своеобразности отстаиваемой мною точки зрѣнія, чтобы, по крайней мѣрѣ, по поводу руководящихъ положеній моего взгляда не могло возникнуть недоразумѣній.

Прежде всего мои положенія *не заключаютъ*:

1) Мнѣнія, что вся хозяйственная жизнь *необходимо* должна быть построена на одной схемѣ, что одна и та же система хозяйства неизбѣжно должна господствовать равномѣрно во всѣхъ сферахъ хозяйственной дѣятельности. Подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій, мелкое крестьянство *можетъ* существовать на ряду съ крупной сельско-хозяйственной промышленностью, такъ

же, какъ мѣстное ремесло и промышленный капитализмъ могутъ существовать въ данной странѣ одновременно, и эти различныя формы будутъ соотвѣтствовать для извѣстнаго момента идеалу соціальной политики.

2) Идеалъ высшей *производительности* не долженъ быть смѣшиваемъ съ идеаломъ возможно большаго производства, выставлявшимся старой школой, еще менѣе съ идеаломъ наибольшаго „чистаго дохода“, т. е. предпринимательской прибыли, какъ извѣстно, также иногда выставлявшимся въ сочиненіяхъ прежнихъ политико-экономовъ.

Считаю умѣстнымъ сказать еще нѣсколько словъ для поясненія вышеизложеннаго.

Мой идеалъ соціальной политики, дѣйствительно, есть „*производственный идеалъ*“ и этимъ примыкаетъ къ давно извѣстнымъ традиціямъ, но лишь въ томъ смыслѣ, что онъ исполняется въ зависимости отъ успѣшности производства, но онъ совершенно не исключаетъ „воздѣйствія на распредѣленіе“. Эта зависимость отъ успѣха производства неизбѣжна, потому что лишь она вноситъ въ экономическую политику единство и опредѣленность цѣлей.

Такъ называемая „распредѣлительная политика“ представляетъ вполнѣ безсистемную путаницу отдѣльныхъ мѣропріятій; она не можетъ имѣть ясныхъ и устойчивыхъ точекъ зрѣнія; она всегда является лишь политикой зашиванія прорѣхъ и „штопанія мужицкой сермяги“. Попытайтесь, напр., сдѣлать руководящимъ принципомъ экономической политики стремленіе увеличить долю участія неимущихъ въ плодахъ „стоящихъ готовыми на столѣ жизни“ и вы сразу увидите невозможность обосновать на такомъ принципѣ хоть нѣсколько осмысленную и цѣльную систему соціальной политики. Наоборотъ, соціальная политика вполнѣ можетъ быть и очень часто бываетъ „политикой распредѣленія“,

если, напр., достигается повышеніе заработной платы для предупрежденія кризисовъ или поддержка безработнымъ, чтобы воспрепятствовать пониженію заработной платы, а тѣмъ самымъ и пониженію техническаго уровня методовъ производства и т. д.

Ставя успѣшность производства въ зависимость отъ хозяйственной организаціи, т. е. системы хозяйства, и выставляя идеаломъ хозяйственную систему наивысшей производительности, я выдѣляю понятіе производительности изъ чисто-технической сферы и придаю ему *соціальный характеръ*. А именно: выставляя цѣлью наивысшую успѣшность производства, я имѣю въ виду не наиболѣе совершенный технически способъ производства или транспорта, а возможно лучшую организапію общественной работы, которая воспользуется всѣми успѣхами техники. Такимъ образомъ, ясно поставленная цѣль соціальной политики есть всегда построеніе или примѣненіе соціальнаго порядка, регулирующаго хозяйственную жизнь.

Наконецъ, какъ упомянуто выше, я совершенно не отождествляю промышленнаго успѣха съ количествомъ произведенныхъ богатствъ. Этимъ я ставлю опять на ноги поставленное старой школой на голову отношеніе между человѣкомъ и вещами, причемъ я не дѣлаю перваго средствомъ, вторыхъ же цѣлью, а, наоборотъ, хочу видѣть человѣка цѣлью, а вещи—средствомъ.

Высшая возможность производства означаетъ высшую производительность. *Понятіе „производительность“*, одно изъ кардинальныхъ понятій всего ученія политической экономіи, принадлежитъ къ самымъ неяснымъ въ нашей коллекціи запутанныхъ понятій. Въ нашей монументальной энциклопедіи государственныхъ наукъ отсутствуетъ и этотъ заголовокъ! Я не могу представить себѣ большей муки ада для погрѣшившаго на своемъ вѣку политико-экономa, чѣмъ если онъ будетъ присужденъ въ царствѣ тѣней ежедневно прочитывать

главу о „производительности“ изъ нашихъ ходячихъ учебниковъ, хотя бы, напр., соотвѣтствующія мѣста въ такъ наз. „Системѣ“ Рошера.

Виною ужасной неясности здѣсь, какъ и во многихъ другихъ вопросахъ, является недостаточная внимательность къ тому, что слово „производительность“ имѣетъ много значеній. Поскольку я вижу, имъ обозначаются слѣдующія три различныхъ понятія: 1) то, что можно бы назвать общественной полезностью: судья „производителенъ“, такъ какъ онъ „производитъ“ разборъ правонарушеній, значитъ исполняетъ необходимую въ жизни общества функцію; 2) то, что можетъ быть названо частно-хозяйственною „выгодностью“: затраченный капиталъ „производителенъ“, т. е. онъ приноситъ выгоду; сюда относится ученіе физіократовъ о прибавочной стоимости, какъ produit net.; 3) то, что можно бы назвать технической „производительностью“, если бы это выраженіе не давало повода къ недоразумѣніямъ: плодотворность или производительность человѣческаго труда. Лишь въ этомъ послѣднемъ смыслѣ понятіе производительности важно для политической экономіи, что здѣсь не мѣсто доказывать.

Во всякомъ случаѣ, только въ этомъ смыслѣ оно ясно, потому что поддается количественному выраженію чрезъ установленіе отношенія между суммой продукта къ выражаемой во времени суммѣ труда. И только въ этомъ смыслѣ я употребляю здѣсь слово „производительность“. Выставляя цѣлью соціальной политики хозяйственную систему наивысшей прозводительности, я тѣмъ самымъ ставлю цѣлью достиженіе такой организаціи экономической жизни, при которой получается наивысшая плодотворность общественной работы, слѣдовательно, создается *для общества возможность* мало работать или много производить.

Построеніе на основѣ этихъ положеній всей современной, такъ наз. соціальной, т е. рабочей, политики пред-

ставляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ ближайшаго будущаго. Лишь тогда соціальная политика избавится отъ господствующей безпринципности и отсутствія плана, лишь тогда она будетъ приведена въ единую систему съ разъединенными теперь отраслями экономической политики: аграрной, промышленной и торговой. Я, по крайней мѣрѣ, не вижу другого выхода изъ хаоса современной политики, кромѣ принятія обоснованной здѣсь точки зрѣнія.

Я думаю, что послѣ всего сказаннаго мой принципъ ясенъ. Отъ дальнѣйшаго обоснованія его теперь приходится отказаться. Если мы оглянемся на пройденный путь, то главными пунктами, на которыхъ останавливается нашъ глазъ, будутъ слѣдующіе. Наблюдающій теоретикъ, который хочетъ озарить свѣтомъ науки путь практическаго политика, стремится внести въ путаницу отдѣльныхъ политическихъ мѣропріятій смыслъ, единство и систему. Онъ различаетъ существенныя отъ несущественныхъ группъ этихъ мѣропріятій. Такъ онъ приходитъ къ необходимости установить понятіе соціальной политики. Тогда предъ нимъ возникаетъ вопросъ о руководящей точкѣ зрѣнія въ области соціальной политики. Онъ отклоняетъ чуждые масштабы потому, что теоретически они не даютъ ему прочнаго фундамента, практически же заключаютъ опасность болѣе важныя мѣры принести въ жертву менѣе важнымъ. Такимъ путемъ онъ приходитъ къ требованію самостоятельнаго идеала соціальной политики: экономическаго совершенства. Какъ включаетъ онъ этотъ идеалъ въ рядъ другихъ идеаловъ человѣчества? Этотъ идеалъ представляетъ не „абсолютную конечную цѣль“, его осуществленіе представляетъ лишь средство къ осуществленію высшихъ цѣлей. Обезпеченіе необходимыхъ потребностей нашего существованія никогда не можетъ до-

ставить высшаго удовлетворенія божеству, которое живетъ въ нашей груди. Но мы должны признать, что наши высшія стремленія несбыточны, пока мы не заплатили дани земному несовершенству людей. Хозяйственныя нужды можно сравнить съ оковами, которыя задерживаютъ движеніе впередъ; экономическая жизнь есть граница, въ которую заключено все наше существованіе со всѣми его проявленіями, включая и самыя высшія. Поэтому путеводной звѣздой нашихъ стремленій можетъ быть только одно: разорвать оковы, расширить границы, чтобы достигнуть свѣта, воздуха и свободы. Теперь важно не подкапываніе вѣры въ экономическій прогрессъ этическо-вѣроисповѣдными сомнѣніями, а содѣйствіе тому, чтобы этотъ прогрессъ совершался какъ можно быстрѣе. Чѣмъ выше ступень достигнутаго нами экономическаго совершенства, тѣмъ болѣе свободными людьми мы будемъ, тѣмъ большую возможность мы будемъ имѣть, чтобы посвятить нашу жизнь достиженію идеаловъ правды, красоты, добра, человѣческаго совершенства.

Понимаемый такимъ образомъ самостоятельный идеалъ соціальной политики служитъ этикѣ, религіи и расовой гигіенѣ несравненно лучше, чѣмъ было бы возможно при вмѣшательствѣ названныхъ дисциплинъ въ хозяйственную жизнь. Не будемъ задерживать нашего развитія, загромождать путь къ лушему будущему балластомъ отжившихъ фразъ и сомнѣній; будемъ всѣми силами содѣйствовать экономическому прогрессу въ твердой увѣренности, что на широкой основѣ матеріальнаго благосостоянія мы сможемъ развить и высшія формы человѣчности. Исторія подтверждаетъ этотъ жизнерадостный взглядъ. Всѣ высшія культуры расцвѣли лишь на почвѣ богатой хозяйственной жизни. Еще ни одинъ экономически-прогрессивный народъ не погибъ культурно. Зато насъ ужасаютъ слѣды экономически

выродившихся народовъ, погрузившихся во мракъ варварства.

Такъ мы понимаемъ соціальную политику въ ея истинномъ значеніи; она должна выполнять собственное дѣло, не преслѣдуя никакихъ чуждыхъ цѣлей. Ея дѣло заключается въ томъ, чтобы очистить и уравнять путь, по которому человѣчество стремится впередъ къ свѣту и свободѣ.

Изданія товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

Григорьевъ. Краткій курсъ химіи. Изд. *второе.* . . . . . — р. 80 к
Клейнъ. Чудеса земного шара. *Печатается.* . . . . . — „ — „
Боммели. Исторія земли. *Печатается.* . . . . . — „ — „
Гетчинсонъ. Вымершія чудовища. . . . . 1 „ 20 „
Гетчинсонъ. Животныя прошлыхъ геологич. эпохъ. *Печатается.* — „ — „
Джэмсъ. Психологія. Изд. *пятое. Печатается.* . . . . . 1 „ 50 „
Штёррингъ. Психопатологія въ примѣненіи къ психологіи. . . 1 „ 50 „
Вундтъ. Введеніе въ философію. *Печатается* . . . . . — „ — „
Куно Фишеръ. Исторія новой философіи. Томъ IV: Кантъ. . . . 4 „ — „
Сеньобосъ. Полит. исторія соврем. Европы, 2 т. Изд. *третье.* . 3 „ — „
Гиббинсъ и Сатуринъ. Исторія современной Англіи. . . . . 1 „ 20 „
Инсаровъ. Современная Франція . . . . . 2 „ 50 „
Курти. Исторія народн. законодат. и демократіи въ Швейцаріи. 1 „ — „
Новгородцевъ. Германія и ея политическая жизнь. . . . . 1 „ 20 „
Зомбартъ. Идеалы соціальной политики. Изд. *второе.* . . . . — „ 40 „
Каутскій. Колоніальная политика въ прошломъ и настоящемъ. — „ 40 „
Фальборкъ и Чарнолускій. Народное образованіе въ Россіи. . . 1 „ 50 „
Гюйо. Исторія и крит. совр. англ. ученій о нравственности. . 2 „ — „
Гюйо. Происхожденіе идеи о времени. Мораль Эпикура. . . . 2 „ — „
Гюйо. Задачи современной эстетики. Очеркъ морали. . . . . 2 „ — „
Гюйо. Воспитаніе и наслѣдственность. . . . . 1 „ 50 „
Гюйо. Стихи философа. . . . . 1 „ — „
Гюйо. Искусство съ соціологической точки зрѣнія. . . . . 2 „ — „
Моррисъ. Искусство. Съ иллюстраціями. *Печатается.* . . . . — „ — „
Левассеръ. Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ. 3 „ — „
Фальборкъ и Чарнолускій. Справочныя изданія по народному образованію: *Поступило въ продажу 16 книжекъ.* . . . — „ — „
Леклеркъ. Воспитаніе и общество въ Англіи. . . . . 3 „ — „
Паульсенъ. Общеобразовательная школа будущаго. . . . . — „ 40 „
Мертваго. Не по торному пути. . . . . 1 „ 50 „
Майръ. Статистика и обществовѣдѣніе. . . . . 6 „ — „
Дрейфусъ. Пять лѣтъ моей жизни. . . . . 1 „ 20 „
Штраусъ. Вольтеръ. . . . . 1 „ — „
Бернштейнъ. Историческій матеріализмъ. Изд. *второе.* . . . . — „ 80 „
Каутскій. Аграрный вопросъ. . . . . 1 „ 50 „
Гертцъ. Аграрные вопросы. . . . . — „ 80 „
Вандервельде. Притягательная сила городовъ. . . . . — „ 40 „
Вурмъ. Жизнь нѣмецкихъ рабочихъ. . . . . — „ 80 „
Вигуру. Рабочіе союзы въ Сѣверной Америкѣ. . . . . 1 „ 50 „
Люксембургъ. Промышленное развитіе Польши. . . . . — „ 50 „
Финляндія. . . . . . 3 „ 50 „
Гуго. Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ хозяйствѣ. 1 „ 50 „
Гобсонъ. Общественные идеалы Дж. Рёскина. . . . . 1 „ 50 „
Мутеръ. Исторія живописи отъ среднихъ вѣковъ. Т. I—III. . . 7 „ — „
Мутеръ. Исторія живописи въ XIX вѣкѣ I—IV т. . . . . 17 „ — „
„ „ „ „ „ „ „ въ переплетахъ. 21 „ — „

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА:

	ЦѢНА. безъ пер.	съ пер.
Клейнъ. Чудеса земного шара	3 р.—к.	3 р. 50 к.
Боммели. Исторія земли. . . . . **Гетчинсонъ.** Вымершія чудовища. . . . . **Гетчинсонъ.** Животныя прошлыхъ геологическихъ эпохъ	4 „ 50 „	5 „ 50 „
Настольная книга по народному образованію, 3 т. . .	5 „ — „	6 „ — „

7 АВГ. 191

Изданія товарищества „ЗНАНІЕ“ (СПБ., Невскій, 92).

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА:

№ 1. *Сеньобосъ.* № 1.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРІЯ

СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ.

Съ приложеніемъ очерка „Европа нашихъ дней“.

ТРЕТЬЕ иллюстрированное, исправленное и дополненное изданіе.

Два тома; 840 стр. Цѣна за оба тома 3 руб.

№ 2. **В. ЗОМБАРТЪ.** № 2.

ИДЕАЛЫ СОЦІАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.

Переводъ съ нѣмецкаго **П. Ф. Теплова.** *Изд. 2-е.* Цѣна **40** коп.

№ 3. Ѳ. Курти. № 3.

ИСТОРІЯ НАРОДНАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

и

ДЕМОКРАТІИ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ.

Переводъ съ нѣмецкаго *Г. Ѳ. Львовича.*

СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ: I. Общій обзоръ развитія швейцарскаго народоправства и права народной инціативы въ союзѣ. *Г. Ѳ. Львовича.*— II. Результаты швейцарскаго референдума. *Ѳ. Курти.* **Цѣна 1 р.**

№ 4. **ГИББИНСЪ и САТУРИНЪ.** № 4.

Исторія современной Англіи.

Книга кончается обширнымъ приложеніемъ:

Д. САТУРИНЪ. ПОСЛѢДНІЕ МОМЕНТЫ ИСТОРІИ АНГЛІЙСКАГО НАРОДА.

Съ портретами англійскихъ политическихъ дѣятелей. **Цѣна 1 р. 20 к.**

№ 5. *К. Каутскій.* № 5.

Колоніальная политика въ прошломъ и настоящемъ.

Цѣна 40 коп.

№ 6. *Л. В. Новгородцевъ.* № 6.

ГЕРМАНІЯ И ЕЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ.

Съ прилож. табл. „Ростъ политич. партій въ Германіи“. **Цѣна 1 р. 20**

Дозв. ценз. Спб. 2 сентября 1904 г. Тип. Монтвида. Конная 3—5.

2024385573